

Одобрено цензурой въ Москвѣ,
29 сентября 1862 года.

РУССКІЙ

БОГАТЫРСКІЙ ЭПОСЪ¹.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ.
Народныя былины, старинныя
побывальщины. Двѣ части. Москва. 1861–
1862–г., въ 8 д. л.

Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.
Изданы Обществомъ Любителей
Россійской Словесности. Четыре выпуска.
1860–1862 г., въ 8 д. л.

IV.

Малыя дѣти уже въ самомъ раннемъ
возрастѣ своемъ перенимаютъ отъ
взрослыхъ множество такихъ словъ и
выраженій, которыхъ, по отвлеченности или
по глубинѣ и обширности смысла, они вовсе

---

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 3.

не понимаютъ, и которымъ даютъ иной оборотъ, больше согласный съ ихъ дѣтскими взглядами и понятіями. Съ теченіемъ лѣтъ, опытность и сознаніе все больше и больше уясняютъ для развивающагося ума этотъ уже готовый запасъ возрѣній и понятій, переданный ему отъ другихъ вмѣстѣ съ звуками роднаго языка. Какъ взрослые люди, по различію въ ступеняхъ образованія, имѣютъ не одинаковыя, больше или меньше ясныя понятія объ умственныхъ и нравственныхъ интересахъ; такъ въ дѣтяхъ, по мѣрѣ духовнаго развитія, уясняется и приводится въ сознаніе то что сначала было принято безсознательно.

5

Во многихъ отношеніяхъ то же можно сказать и о развитіи народностей. Замѣчательно близкое сродство словъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ въ наименованіи божества и существенныхъ предметовъ религіи и нравственности, понятій о бытѣ семейномъ и

общественномъ, объ осѣдлости и земледѣліи, вполне убѣждаетъ историка индо-европейскихъ народовъ, что Германцы, Литва, Славяне и другіе ихъ соплеменники, вышедшіе изъ общей Арійской родины съ племенами Индіи и древней Персіи, вынесли съ собою въ Европу зародыши понятій о благоустроенномъ бытѣ семейномъ и общественномъ, основанномъ на земледѣльческой осѣдлости, руководимомъ закономъ высшей правды и охраняемомъ богами. Лѣтописецъ Несторъ свидѣтельствуетъ, что древнѣйшія племена Славянскія, населившія Русь, имѣли уже свои обычаи и законъ своихъ отцовъ и преданіе, и что въ жизни семейной они отличали уже разныя степени родства, каковы зять, деверь, сноха, свекровь и т. д. Они даже кочевали и расселялись, группируясь по родамъ, то-есть въ массахъ связанныхъ узами семейнаго родства. Переходя съ мѣста на мѣсто изъ далекой азіятской родины до роднаго Дуная и столь же потомъ родственныхъ береговъ Днѣпра

и Ильменя, они конечно не имѣли времени постоянно упражняться въ землешествѣ; однако, поселившись на осѣдлыхъ мѣстахъ, они не забыли первобытнаго, общаго всѣмъ индо-европейскимъ народамъ слова, для означенія трудовъ земледѣльца — именно: орать, то-есть, пахать, точно также какъ въ темную и трудную эпоху кочевья не забыли столь же общихъ всѣмъ народамъ терминовъ семейнаго родства, каковы: мать, дочь, сынъ и проч.²

Несмотря однако на эту первобытность зародышей благоустроеннаго порядка въ каждой изъ европейскихъ народностей, миѳическія и эпическія преданія повѣствуютъ о временахъ мрака и ужаса, предшествовавшихъ мирной осѣдлости и плодотворному для успѣховъ просвѣщенія земледѣлію. Точно будто бы, въ теченіе многихъ вѣковъ хаотическаго броженія, нужно было, устоявши въ борьбѣ

6

---

² См. мою книгу О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Стр. 132; Якова Гримма Geschichte d. deutSchen Sprache. I, стр. 266, по изданію 1848 г.

съ чудовищами и страшными, сверхъестественными силами, сохранить въ себѣ эти зародыши ранней цивилизаціи, на время затаивъ ихъ въ себѣ, и дать просторъ ихъ возрастанію только тогда, когда наступятъ для того благопріятныя времена. Нужны были опыты многихъ столѣтій, чтобы привести себѣ въ сознаніе тѣ идеи и возрѣнія, которыя европейскія народности вынесли съ собою изъ своей азіятской родины, отдѣлившись нѣкогда отъ племенъ арійскихъ.

Эта блистательная эпоха пробужденнаго сознанія въ исторіи вѣрованій и поэтическихъ сказаній обозначается побѣдою новыхъ челоѡкообразныхъ боговъ надъ чудовищами и стихійными силами стараго времени. Страшные великаны, Юты и Турсы сѣверной космогоніи, прогнаны съ лица обитаемой челоѡками земли, которая стала серединою всего міра, жилищемъ въ срединѣ (Мидгардѣ), гдѣ мирная осѣдлость оградила себя стѣною отъ внѣшнихъ странъ, населенныхъ

чудовищами, и великанами ранней эпохи (отъ Утгарда или Аусгарда). Сюда—то, въ огражденное отъ враговъ срединное жилище, въ эту апоэозу роднаго дома и родной земли, народность, окрѣпшая въ борьбѣ, принесла сокровища своей первобытной цивилизаціи, сколько успѣла она сберечь ихъ въ дальнемъ пути своего доисторическаго кочеванья. Теперь, оградивъ ихъ отъ расхищенія въ Мидгардѣ, какъ это сдѣлали сѣверныя германскія племена, перенесши ихъ за родной порогъ, какъ это было у Чеховъ, назвавшихъ свою осѣдлость Прагою, то—есть, порогомъ, или усѣвшись въ родномъ гнѣздѣ, какъ Ляхи въ своемъ Гнѣзднѣ, установившаяся и успокоившаяся народность, въ обезпеченіе себя отъ вражескихъ покушеній, вызвала изъ своихъ доисторическихъ преданій смутно носившійся въ воображеніи древнѣйшій образъ бога громовержца, покровителя семейной осѣдлости и земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ грознаго оберегателя новаго порядка вещей отъ вторженія грубой силы чудовищныхъ

великановъ. Образъ этого божества постоянно мерещился воображенію европейскихъ кочевниковъ и прежде, въ смутныхъ воспоминаніяхъ объ индійскомъ Индрѣ; но онъ окончательно сложился въ опредѣленный національный типъ у классическихъ народовъ въ Зевсѣ, или Юпитерѣ, у Литвы

7

и Славянъ въ Перкунѣ, или Перунѣ, у Нѣмцевъ въ Торѣ, Тунарѣ (Donner).

Миѳическое чествованіе земледѣлія выразилось въ древнѣйшихъ преданіяхъ о чудесномъ происхожденіи плуга. Если въ національности Скиѳовъ позволительно открывать нѣкоторые зародыши быта и нравовъ племенъ тевтоническихъ и литовско–славянскихъ, вынесенные изъ древней азійской родины; то, говоря о переходѣ этихъ племенъ изъ быта кочеваго въ земледѣльческій и осѣдлый, необходимо начать съ скаѳскаго миѳа о небесной сохѣ³.

---

³ См. статью г. Котляревскаго о книгѣ Бергманна: *Les Scythes les ancetres des peuples Germaniques et Slaves*, въ Лѣтописяхъ Русской Литературы проф. Тихонравова. 1859. № 1.

Скиѡы–земледѣльцы вели свое происхожденіе отъ младшаго сына Солнца, который назывался князь колесницы, воза, телѣги, или точнѣе кола (какъ въ старину называли у насъ экипажъ на колесахъ). Скиѡское имя этого князя: кола–ksais — коло–князь, или ѣдущій на колахъ, какъ Тацитова Нерта, германская богиня земли, и какъ самъ Торъ. Только одинъ этотъ скиѡскій князь умѣлъ владѣть сохою изъ горящаго золота, которая упала съ неба; такъ что, когда другіе два его брата князь–щитъ (Нлеиро–ksais) и князь–стрѣла (Агро–ksais) захотѣли коснуться ея, то обожгли себѣ руки, потому что, какъ воины и кочевники, братья старшіе, то–есть, какъ поколѣніе старое, они еще не знали тайны земледѣлія, которая отъ самого неба была открыта поколѣнію младшему, въ лицѣ ихъ младшаго брата.

Первобытное преданіе о происхожденіи плуга въ русскихъ сказаніяхъ пріурочивается къ христіанскимъ именамъ Бориса и Глѣба, или Космы и Даміана⁴.

---

⁴ См. мои Историч. Очерки. II, 107.

Будто бы чудовищный Зміи опустошалъ нѣкогда Русскую землю. Въ умиловительную жертву приносили ему по одному юношѣ изъ каждой семьи. Черезъ нѣкоторое время очередь дошла до царскаго сына. Онъ выданъ былъ Змію, но рѣшился, по наущенію самого ангела, спастись отъ чудовища бѣгствомъ. Настигаемый Зміемъ, онъ вдругъ увидѣлъ желѣзную кузницу, въ которой Борисъ и Глѣбъ (иначе: Косма и Даміанъ) ковали первый плугъ для людей. Юноша бросился въ кузницу, и желѣзная дверь за нимъ захлопнулась.

8

Зміи три раза лизнулъ дверь, а въ четвертый разъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда эти вѣще кузнецы схватили раскаленными клещами Змія за языкъ, запрягли въ плугъ изготовленный ими для людей, и провели по землѣ борозду, которая и доселѣ зовется Зміевымъ Валомъ. И такъ, огораживанье поля валомъ, въ знакъ собственности и

осѣдлости, совпадаетъ въ эпическихъ преданіяхъ съ изобрѣтеніемъ плуга и съ самымъ началомъ земледѣлія.

Совпаденіе идей о паханьѣ сохою и объ огораживаніи осѣдлости отъ внѣшнихъ враговъ еще очевиднѣе въ великорусскомъ вариантѣ извѣстной кіевской, мѣстной сказки о Кузьмѣ Кожемякѣ, спасшемъ Кіевъ отъ лютаго Змія, и до позднѣйшихъ временъ оставившемъ по себѣ память въ Кіевскомъ урочищѣ Кожемяки. По кіевскому варианту Кожемяка убиваетъ Змія въ бою, обматываясь смоляною коноплей. По великорусскому прибавляется слѣдующее. Одолѣваемый Кожемякою (Никитою), Змій сталь его молить: „Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней насъ съ тобою въ свѣтѣ нѣтъ; раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой.“ — Хорошо, сказалъ Кожемяка, надо между проложить. Сдѣлалъ Никита соху въ триста пудъ, запрягъ въ нее Змѣя, да и сталь отъ Кіева между пропахивать. Такъ и раздѣлили они между собою всю

землю отъ Кіева до моря, а какъ стали дѣлать море, Кожемяка и убилъ Змія и потопилъ его въ морѣ. (Аѳанас. Сказки, V. стр. 66). Также опахиваютъ бабы и дѣвки деревню отъ чумы, падежа и всякой лихой напасти; также сѣверные Асы отгородили себя отъ великановъ; наконецъ тѣ же преданія о Чортовомъ Валѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на западѣ.

Славяне, какъ народъ по преимуществу земледѣльческой, въ своихъ мѣтахъ о древнѣйшихъ родоначальникахъ и князяхъ чествуютъ быть земледѣльца⁵. Чешская княжна Любуша, вѣщая дѣва, дочь миѳическаго Крока, по желанію народа должна была выйдти за мужъ, чтобы въ своемъ супругѣ дать Чехамъ достойнаго воеводу. Вѣщая княжна сказала посламъ, какъ и гдѣ найдти для нея супруга: „Ступайте, говорила она, на Бѣлую рѣку (иначе: на Бѣлину

---

⁵ См. мои Очерки. I, 371–2.

рѣку), а тамъ, на полѣ Стадицы, найдете вы пахаря, пашущаго землю двумя пѣгими волами: онъ будетъ обѣдать на желѣзномъ столѣ; этотъ человекъ будетъ вашимъ правителемъ“, а чтобъ узнать туда путь и самого пахаря. Любуша дала посламъ своего бѣлаго коня. Онъ привелъ пословъ къ сказанному мѣсту, и своимъ ржаніемъ указалъ на пахаря, будущаго владыку Чеховъ, и палъ передъ нимъ наземь. Пахарь назывался Премыслемъ. Прежде нежели отправился съ послами, сталъ онъ обѣдать, положивъ на свою соху, на этотъ желѣзный столъ, сыръ и хлѣбъ, произведенія быта пастушескаго и земледѣльческаго, дары боговъ Волоса и Перуна, особенно чтимыхъ на Руси въ эпоху принятія христіанства. Быки же, которыми Премысль пахалъ, поднялись на воздухъ, и потомъ опустившись, скрылись въ ращелинѣ скалы, которая, принявъ быковъ, сомкнулась. Послы надѣли на Премысла княжеское одѣяніе; но онъ, въ знакъ своего крестьянскаго происхожденія взялъ съ собою свои лапти, которые, какъ

національная драгоценность, до позднѣйшаго времени свято хранились. Такъ и по польскому преданію, Пясть въ лаптяхъ вступилъ на княжескій престолъ.

Въ Миѳѣ о Премыслѣ, каково бы ни было собственно миѳологическое его значеніе, нельзя не видѣть слѣдовъ того древняго обычая, который до позднѣйшаго времени совершался въ Каринтіи при поставленіи новаго герцога, то-есть, воеводы или князя. Поставляемый долженъ былъ въ крестьянской одеждѣ выдти на лугъ, около крѣпости Св. Вита (Святовита). Тамъ на большомъ четверугольномъ камнѣ сидя дожидался его поселянинъ, держа направо черную корову, а налѣво кобылу. Поставляемый герцогъ, по заведенному обряду, долженъ былъ у поселянина купить корову и кобылу, какъ бы въ символъ передачи власти надъ землею отъ поселянина. Послѣ того долженъ онъ былъ изъ шляпы испить воды.

Идеаль миѳическаго пахаря русскій народный эпосъ знаетъ подъ именемъ Микулы Селяниновича. Это уже сынъ

селянина, хозяина осѣдлой собственности, потому и прозывается Селяниновичемъ; что же касается до Микулы, то это имя, такъ же какъ Илья, имя великаго муромскаго героя, принадлежитъ уже позднѣйшей апохѣ; оба эти имени, подставныя, ими замѣнились изъ христіанскаго уже календаря

10

какія-нибудь другія, болѣе согласныя съ содержаніемъ древнихъ былинъ, въ которыхъ воспѣваются ихъ подвиги. Также христіанскія, позднѣйшія имена, даны и тремъ вѣщамъ дѣвамъ, дочерямъ Селяниновича: Василиса, Настасья и Марья.

Микула Селяниновичъ является въ сношеніяхъ съ Святогоромъ и Волхомъ или Вольгою, то-есть, съ богатырями старшими, съ лицами древнѣйшей титанической эпохи. Такъ и быть должно: въ этихъ сношеніяхъ надобно было наглядно показать переходъ отъ эпохи кочевой къ осѣдлой земледѣльческой, и

дать предпочтеніе послѣдней передъ первою.

Намъ уже извѣстенъ сверхъестественный характеръ Волха или Вольга, титанической или стихійной. Въ послѣдствіи эпосъ придалъ ему позднѣйшее, уже историческое значеніе князя. Онъ отличается отъ обыкновенныхъ богатырей Владиміровыхъ своею княжескою самостоятельностью. Хотя и родился онъ въ Кіевѣ, но не сталъ спутникомъ князя Владиміра въ его дружинѣ, былъ независимымъ начальникомъ своей собственной дружины, въ которой насчитывалось до 29 богатырей. Именно на этой—то позднѣйшей, исторической ступени, титанъ и чудовище Волхъ, сынъ Змія, низводится до владѣтельнаго князя, племянника Владимірова.

Жаловалъ его родной дядюшка;

Ласковый Владиміръ
стольно—кіевскій

Тремя городами со
 крестьянами:
 Первымъ городомъ —
 Гурчевцемъ,
 Вторымъ городомъ —
 Орѣховцемъ,
 Третьимъ городомъ —
 Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга
 Святославговичъ
 Со своею дружинушкою
 хораброю,
 Онъ поѣхаль къ городамъ за
 получкою⁶.

То—есть, поѣхаль собирать дань, какъ
 нѣкогда Игорь ѣздиль по Древлянской
 землѣ. Ёдучи за получкою, Вольга

...Услышалъ въ чистомъ
 полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай,
 понукиваетъ,
 Сошка у ратая
 поскрипываетъ,

---

⁶ Рыбник. 1, 18. 2, 1.

Омѣшки⁷ по камешкамъ
почеркиваютъ.

11

Ѣхаль Вольга до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со всею дружинишкой
хораброей,

А не могъ онъ до ратая
доѣхать.

А не могутъ догнать этого необычайнаго
ратая, потому что онъ —

Съ края въ край бороздки
пометывается,

Въ край онъ уѣдетъ, другаго
не видать.

Наконецъ Вольга достигаетъ ратая и
просить его, чтобъ онъ Ѣхаль съ нимъ въ
товарищахъ. Ратай вывернулъ изъ сохи
свою соловую кобылку; имя ей Онеси-
голова, иначе Подыми-голова, потому что
какъ поется въ былинѣ, „вздынула (т. е.

---

⁷ Омѣшь — желѣзный наконечникъ сохи.

подняла) она голову подь облаку“ (подь облака); и поѣхаль этотъ ратай вмѣстѣ съ Вольгою, предварительно наказавши, чтобъ кто-нибудь изъ дружины этого князя выдернулъ изъ земли его сошку, и забросилъ въ ракитовъ кустъ. Сначала бросились вытаскивать соху пять человѣкъ, но ничего не могутъ сдѣлать, потомъ бросилось десять человѣкъ, и также безуспѣшно; потомъ посылалъ Вольга всю свою дружину храбрую:

Они сошку за обжи вокругъ
вертятъ

А не могутъ сошки съ
земельки повыдернути,

Изъ омѣшковъ земельки
повытряхнути,

Бросить сошку за ракитовъ
кустъ.

Тогда —

Подъѣхаль оратай
оратаюшко

На своей кобылкѣ
соловенькой

Ко этой ко сошкѣ кленовой:
Браль—то онъ сошку одной
рукой,
Сошку съ земельки
повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку
повытряхнулъ
Бросиль сошку за ракитовъ
кусть.

Здѣсь очевидно необъятное могущество
миѳическаго пахаря. Какъ тотъ скиѳскій
князь только самъ можетъ приступиться къ
небесной сохѣ, которая его старшими
братьямъ жжетъ руки; такъ и русская соха
не въ подъемъ совокупнымъ силамъ всей
князей дружины, а пахарь поднимаетъ ее
одною рукой. Конечно, въ этой сценѣ
можно бы видѣть аллегорію, подъ которого
рисуются позднѣйшія отношенія земщины
къ князьямъ и дружинѣ: но вопервыхъ,

12

эпосъ не терпитъ и не знаетъ холодной,
отвлеченной формы аллегоріи, какъ

искусственной выдумки, а вовторыхъ, другой вариантъ той же былины⁸ уже во всей опредѣлительности изображаетъ передъ нами миѳическій типъ ратая и миѳическую соху, вторая, также какъ у Скиѳовъ, пала съ поднебесья и глубоко засѣла въ землю. Когда вся дружина не сладила съ сохою, подъѣзжаетъ къ ней самъ ратай.

А сошка была позолочена,
Омѣшки были булатныя, —
Къ этой ко сошкѣ
подхаживаль,

Этую сошку попихиваль:
Какъ улетѣла та сошка къ
подъ—облакамъ,
Пала сошка о сыру землю,
Ушла сошка до рычаговъ въ
землю.

Туть—то обрядиль свою
сошку позолоченую,
Тьи—то омѣшки булатныя.

---

⁸ Рыбник. 23.

Итакъ, это такая же золотая соха, какъ и у Скиѳовъ. Сверхъ того, намъ ужь извѣстно, что почти тоже случилось и съ чешскимъ Премыслемъ. Только не соха, а быки, которыми онъ пахаль, поднялись къ облакамъ и потомъ пали на землю, скрывшись въ разщелинѣ. Вѣроятно быки поднимались вмѣстѣ съ ярмомъ. Если такъ; то созвѣздія Яремъ или Ярмо и Плугъ должны состоять въ связи съ мифами о водвореніи земледѣльчества. Не забудемъ также, что и кобылка нашего пахаря воздымала свою голову къ облакамъ.

Въ русокихъ загадкахъ, согласно эпическимъ воззрѣніямъ, соха представляется какимъ-то чудовищемъ: „Баба Яга, вилами нога, весь міръ кормить, сама голодна,“ или соха съ бороною: „Три тулова, три головы, восемь ногъ, желѣзный хвостъ, кованый носъ.“ Иначе соха же — это: „Черная корова все поле перепорола,“ или: „Летѣла пава, сѣла на припалѣ, разсыпала перья по всему полю.“⁹.

Но возвратимся къ нашей былинѣ.

---

⁹ Даля Пословицы. Стр. 1072.

Ясно, что въ эпическихъ типахъ Вольга и вѣщаго пахаря, мы имѣемъ дѣло не съ обыкновенными историческими личностями, но съ героями миѳическими, которыхъ

ОСНОВНЫЯ

13

очертанія сложились въ древнѣйшую пору зарожденія самыхъ миѳовъ и ихъ эпического выраженія въ народной поэзіи. Обѣ эти личности, представители общечеловѣческихъ интересовъ въ ранній періодъ развитія европейскаго быта; и если обѣ онѣ вполнѣ народны на русской почвѣ, то это говоритъ только въ пользу той мысли, что и русская народность въ ея эпическихъ основахъ была когда-то въ уровень со всѣмъ что считалось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ самымъ высшимъ и существеннымъ въ разсужденіи быта и успѣховъ ранней цивилизаціи.

Почтивъ въ вѣщемъ пахарѣ его великую силу, Вольга, какъ князь, который всегда дорожить своимъ княжимъ родомъ и своимъ отечествомъ, сталъ его спрашивать:

Ай же ты ратаю, ратаюшко!
Какъ-то тебя по имени
зовуть,

Какъ звеличаютъ по
отечеству?

Вместо того чтобъ отвѣчать на вопросъ
прямо, чудесный пахарь вводитъ своего
собесѣдника въ сельскую обстановку своего
крестьянскаго житья–бытья, какъ бы давая
тѣмъ разумѣть князю, что простолюдинъ
славится не громкими именами своихъ
предковъ, а личнымъ своимъ
достоинствомъ, своими честными трудами и
личными гуманными отношеніями къ
равнымъ себѣ:

Говорить ратай таковы
слова:

„Ай же Вольга
Святославговичь!

А я ржи напашу, да въ
скирды сложу,

Во скирды сложу, домой
выволочу,

Домой выволочу, да дома
вымолочу,

Драни надеру, дай пива
наварю,

Пива наварю, да и
мужичковъ напою.

Стануть мужички меня
покликивати:

Молодой Микулушка
Селяниновичъ!“

Это одинъ изъ самыхъ изящнѣйшихъ мотивовъ эпической поэзіи, и вообще вся былина эта принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ европейскаго народнаго эпоса, и если уступаетъ пѣснямъ древней Эдды, то только потому развѣ, что древнѣйшія миѳическія имена и обстоятельства замѣняетъ позднѣшими, по той простой причинѣ, что доселѣ еще живетъ въ устахъ народа.

По другому эпизоду Микула
Селяниновичъ является

14

хранителемъ тяги земной, которую онъ держитъ въ переметной сумочкѣ, то-есть, тяги всей великой силы матери земли. Какъ въ разказанномъ эпизодѣ Селяниновичъ господствуетъ своимъ могуществомъ надъ

Вольгою и всею его дружиной, такъ теперь увидимъ, что онъ сильнѣе самого Святогора, а Святогоръ былъ силы непомѣрной:

Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,

А сила—то по жилочкамъ

Такъ живчикомъ и переливается.

Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.

Чоть и говоритъ Святогоръ:

„Кабы я тяги нашель,

Такъ я бы всю землю поднялъ!¹⁰

Поѣхалъ Святогоръ путемъ дорогою, и видитъ идетъ прохожій. Припустилъ за нимъ богатырь своего добраго коня, но никакъ догнать не можетъ. Прохожій все идетъ впереди, не только потому, что онъ, видно, сильнѣе и быстрѣе, но вѣроятно, и потому, что идея, которой онъ служить представителемъ, далеко опережаетъ эпоху

---

¹⁰ Рыбник. 32. 39.

грубыхъ великановъ. Наконецъ, не
сладивъ, Святогоръ просить его
остановится. Прохожій пріостановился,
снималъ съ плечъ сумочку и положилъ ее
на сыру землю. „Что у тебя въ сумочкѣ?“
спрашиваетъ Святогоръ–богатырь. „А вотъ,
отвѣчаетъ прохожій: подыми съ земли,
самъ увидишь!“ Сошелъ Святогоръ съ коня,
захватилъ сумочку одною рукой, не могъ и
шевелинуть; сталъ поднимать обѣими
руками.

Поднялъ сумочку повыше
колѣнь;

И по колѣна Святогоръ въ
землю угрязъ,

А по бѣлу лицу не слезы, а
кровь течеть.

Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и
встать не могъ,

Тутъ ему было и конченіе.

По другому варианту этимъ дѣло не
оканчивается. Микула Селяниновичъ
увѣдомляетъ, что у него въ сумочкѣ тяга
земная. Святогоръ его спрашиваетъ, какъ

ему узнать о судьбѣ своей? Вѣщій пахарь посылаетъ его къ Сивернымъ горамъ, гдѣ подъ высокимъ деревомъ стоитъ кузница, а кузнецъ въ ней и скажетъ Святогору о судьбѣ его.

Мы уже другой разъ встрѣчаемъ кузницу въ миѳологическомъ

15

эпосѣ русскомъ, и оба раза кузница или кузнецъ состоятъ въ связи то съ сохою, которую куютъ, то съ пахаремъ, который вмѣстѣ съ кузнецомъ господствуютъ надъ грубою силой древнихъ титановъ. Наши вѣщіе кузнецы, безъ сомнѣнія, состоятъ въ родствѣ съ эльфами, подземными карликами нѣмецкой миѳологіи. О вѣщемъ кузнецѣ Волундѣ (Виландѣ) воспѣваетъ одна изъ пѣсень древней Эдды.

Пріѣзжаетъ Святогоръ въ кузницу. Кузнецъ куетъ два тонкихъ волоса — это онъ куетъ судьбину, кому на комъ жениться. По вѣщему указанію кузнеца, Святогоръ поѣхалъ добывать себѣ суженую. Онъ нашель ее спящею, и всю въ

гноище; ударилъ ее мечомъ по груди и уѣхаль. А дѣвица, отъ того удара исцѣлилась отъ гноища, и стала красавицею, на которой потомъ Святогоръ женился.

Объ отношеніи Святогора къ Ильѣ Муромцу будетъ сказано тогда, когда дойдетъ рѣчь до этого послѣдняго. А теперь надобно сдѣлать два замѣчанія. Вопервыхъ, встрѣча Святогора съ спящею невѣстою напоминаетъ въ сѣверномъ эпосѣ эпизодъ о томъ, какъ Зигурдъ вывелъ изъ непробуднаго сна Валькирію Брингильду. Вовторыхъ, о ковани тонкихъ волосъ кузнецомъ необходимо сказать, что этотъ древнѣйшій мотивъ имѣетъ огромный интересъ въ исторіи германо–славянскаго эпоса. И если у насъ, по незрѣлости ученыхъ трудовъ, еще мало оцѣниваютъ сравнительный методъ въ изученіи индо–европейскихъ народностей и смотрятъ на него недовѣрчиво и подозрительно, вслѣдствіе малой подготовки къ его уразумѣнію: то можно быть вполне увѣрену, что упомянутый мотивъ, ставъ

извѣстенъ нѣмецкимъ ученымъ,
непремѣнно вошелъ бы въ комментарий
нѣмецкаго миѳа о Зифѣ, супругѣ
Громовника Тора.

Надобно знать, что злой Локи однажды
обрѣзалъ прекрасные косы Зифы, но чтобы
спасти отъ страшнаго мщенія ея супруга,
озаботился сдѣлать ей новые волосы,
заказавъ ихъ выковать изъ золота
подземнымъ карликамъ—палачамъ.
Извѣстно, что эти золотыя косы Зифы — не
иное что, какъ золотистыя нивы, которыхъ
плодородіе зависитъ, такимъ образомъ, отъ
божественной силы Торовой супруги. Такъ
и нашъ вѣщій кузнецъ куетъ волосы, рѣшая
судьбу семейной жизни, идея о которой,
какъ извѣстно, выражается въ самомъ
имени Зифы. (sirre — миръ, согласіе,

16

родство). Сверхъ того, слѣдуетъ здѣсь
припомнить сербскую сказку о чудесномъ
волосѣ, который будто бы найденъ былъ въ
косѣ одной вѣщей дѣвы, и внутри котораго
было записано много знатныхъ дѣлъ,

которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта¹¹.

Итакъ, вѣщій пахарь Микула Селяниновичъ, и, какъ увидимъ дальше, весь его родъ—племя, въ послѣдовательномъ развитіи русскаго богатырскаго эпоса отодвигается къ ранней эпохѣ богатырей старшихъ, становится на ряду , съ Святогоромъ, Самсономъ, также съ Вольгою, согласно чудовищному типу этого послѣдняго въ вариантахъ о Волхѣ. Но вотъ свидѣтельство самаго эпоса. Калики перехожіе, давшіе Ильѣ Муромцу силу (о чемъ будетъ рѣчь впереди), сами называютъ ему старшихъ, титаническихъ богатырей, запрещая ему вступать съ ними въ бой.

Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,

И со всею паленицею удалою;

А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ:

---

¹¹ См. мои Очерки I, 352.

Его и земля на себѣ черезъ
силу носить;

Не ходи драться съ
Самсономъ богатыремъ:

У него въ головѣ семь
власовъ ангельскихъ.

Не бейся и съ родомъ
Микуловымъ:

Его любить матушка сыра
земля.

Не ходи еще на Волгу
Сеславича:

Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью,
мудростью¹².

То—есть, какъ вѣщій оборотень: въ томъ
состояла его мудрость, какъ уже мы знаемъ
изъ вариантовъ о Волхѣ—оборотнѣ.

Итакъ сама мать сыра земля любитъ
Микулу Селяниновича и весь его родъ—
племя. Указаніе драгоцѣнное! Въ немъ
чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго миѳа
о любовномъ союзѣ богини земли съ

---

¹² Рыбн., 35.

богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой ли миѳической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ миѳическую генеалогію рода—племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляеть, въ память этого союза,

---

17

носить только тягу земную, да еще въ переметной сумочкѣ.

Ученый славянофилъ, въ замѣткѣ, приложенной въ сборникъ г. Рыбникова, въ Микулѣ Селяниновичѣ видитъ представителя Земли и Земщины, а въ его переметной сумочкѣ подъ тягою земною разумѣетъ сложившуюся землю русскую, которая казалась и малою слабою, но когда Святогоръ вздумалъ ее поднять, то не осилилъ, и самъ утразъ въ эту землю: она оказалась сильнѣе, она побѣдила¹³.

Эти славянофильскія выраженія, кажется, надобно понять иносказательно:

---

¹³ Ч. I, стр. XV.

то—есть, Микула Селяниновичъ и его переметная сума съ тягою земною, не иное что какъ земщина, русскій простой народъ, крестьянство съ своимъ земледѣлемъ. Эта земщина, хоть на видъ и казалась и доселѣ кажется западникамъ и бюрократамъ не значительною, годною только на то, чтобъ ее обирать и жить на ея счетъ, но на дѣлѣ она такъ сильна, что никакое могущество не одолѣетъ ее. То—есть, русскій народъ въ этомъ эпизодѣ будто бы хотѣлъ предъявить свои высокія права и свое великое значеніе въ судьбѣ нашего отечества, и эту мысль аллегорически выразилъ онъ въ Микулѣ Селяниновичѣ и его сумкѣ съ тягою земли. Однимъ словомъ, чтобы прійти къ такому заключенію, надобно было признать весь этотъ разказъ за какое—то намѣренное иносказаніе и лишить его мѣстныхъ красокъ и подробностей, которыя всѣ объясняются сравнительною миѳологіей и народнымъ бытомъ, и, какъ существенные элементы, входятъ въ общее достояніе древнѣйшихъ преданій индо—европейскаго эпоса.

Но ни что столько не противно свѣжести народнаго эпоса, какъ сухая, безжизненная аллегорія и преднамѣренное отвлеченіе, о чемъ вскользь было уже замѣчено. Народная фантазія прямо идетъ къ цѣли, и, не стѣсняя себя никакими условными предписаніями, никого не боится, и потому не находитъ нужнымъ скрывать своихъ идей подъ вычурною оболочкой, какъ иногда новѣйшій баснописецъ облакаетъ свои нравоученія какимъ-нибудь несбыточнымъ, фантастическимъ вымысломъ. Въ образѣ Микулы Селяниновича народная фантазія рисуется передъ нами только

18

вѣщаго пахаря, не аллегорическій знакъ чего-то отвлеченнаго, а живой идеаль, выражающій дѣйствительность, можетъ-быть, даже первоначально божество. Понявъ значеніе земщины въ противоположность бюрократической централизаціи, простонародье (положимъ) могло бы даже взять себѣ знаменіемъ

земщины какого-нибудь Селяниновича или Илью Муромца: но это вовсе не значитъ, чтобы сама былина изображала ихъ такими представителями, въ позднѣйшемъ историческомъ смыслѣ, окончательно опредѣленномъ же петровскою реформой. Въ противномъ случаѣ, слѣдовало бы низвести величавый тонъ народнаго эпоса до дразговъ современныхъ публицистовъ. Народная былина у насъ, и на западѣ, слишкомъ наивна и даже мало развита; она вовсе не знаетъ тонкостей политическихъ, даже не заботится о нихъ, а если ей что не нравится, то она сплеча рубить, какъ Илья Муромецъ на пиру у князя Владиміра.

Итакъ, славянофильскій взглядъ на Микулу Селяниновича, какъ на представителя земщины, которая у него сидитъ въ сумкѣ, есть изданіе новѣйшей политической фабрикаціи, сентиментальная мечта, насильно навязываемая народу въ непоэтической, неуклюжей и противной для эпоса формѣ аллегоріи, которую хотятъ видѣть въ русскихъ былинахъ.

V

Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Между тѣмъ какъ младшіе богатыри, окружающіе князя Владиміра, уже обыкновенные смертные, по своему происхожденію отъ обыкновенныхъ родителей, просто отъ людей, — ихъ жены и вообще дѣвы и женщины, входящія съ ними въ сношенія, по большей части отличаются миѳическимъ родомъ—племенемъ и вѣщею натурой. Мущина скорѣе заявляетъ свои права на историческую дѣятельность, и потому раньше выступаетъ въ памяти народа какъ лицо историческое, подчиненное извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени. Герой ведетъ исторію впередъ, женщина остается назади съ своею домашнею стариной,

---

19

съ своими родными преданіями, которыя на досугъ ей удобнѣе хранить, не развлекаясь

новизною смѣняющихъ другъ друга событій. Послѣдній отблескъ этой незапамятной старины народной эпосъ сохраняетъ въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ дѣвахъ и женщинахъ, сопутствующихъ въ извѣстную эпоху историческимъ героямъ и младшимъ богатырямъ. Иногда условія быта даютъ большее развитіе женскимъ характерамъ и въ эпосѣ историческомъ, какъ это видно, напримѣръ, въ сѣверныхъ сагахъ; но вообще миѳическій эпосъ отдѣляется отъ историческаго борьбою героевъ съ героинями, и побѣдою первыхъ надъ исключительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Финская Калевала, повѣствуетъ о борьбѣ божественныхъ героевъ Калевы съ вѣщею хозяйкой или госпожею Похьёлы, сѣверной страны, соответствующей мрачному жилищу великановъ скандинавскаго эпоса. Чехами нѣкогда управляла вѣщая княжна Любуша, дочь миѳическаго Крока, но подданные будто бы принудили ее отказаться отъ власти не приличной женщинамъ, и

передать ее въ руки пахаря Промысла. Тотъ же Премысль долженъ былъ окончательно утвердить права мущины на преобладаніе, покоривъ Власту съ ея дѣвичьимъ ополченіемъ, собравшимся въ Дѣвинѣ. Ту же мысль выражаетъ польскій эпосъ въ борьбѣ миѳической Ванды съ алеманскимъ княземъ, который плѣнился ея свѣтлою красотой и чествовалъ ее богинею земли, воздуха и воды.

Итакъ, женскіе типы древнѣйшаго народнаго эпоса отличаются величавымъ характеромъ. Это героини воинственныя; какъ богатыри, ѣздятъ онѣ на коняхъ и раскидываютъ себѣ въ полѣ палатку для отдыха отъ воинскихъ подвиговъ! Отлично владѣютъ оружіемъ и особенно мѣтко стрѣляютъ изъ лука. Многія изъ нихъ отличаются непомѣрною силою. Съ физическими качествами великановъ и старшихъ богатырей соединяютъ онѣ вѣщую силу слова, даръ предвѣдѣнья и премудрости. Сѣверныя Валькиріи, рѣшая судьбу битвы, вмѣстѣ съ тѣмъ поучаютъ героевъ въ познаніи рунъ, содержащихъ въ

себѣ всю древнюю мудрость. Въ двухъ сестрахъ княжны Любуши чешскій эпосъ воспѣваетъ вѣщую силу прорицанія, знахарства и всякаго вѣдѣнія. Чешская же поэма, извѣстная подъ именемъ Суда Любуши, повѣствуетъ о вѣщихъ дѣвахъ суда, вырученныхъ вѣщбамъ: во время суда, гдѣ онѣ должны были присутствовать,

---

20

какъ древнія парки или сѣверныя норны, у одной въ рукахъ былъ мечъ, карающій кривду, у другой доски съ начертанною на нихъ правдою или закономъ.

Особенно блистаетъ своими героическими качествами дѣвица, еще не познавшая мужа; но, вышедши замужъ, часто теряетъ она свои сверхъестественныя силы и становится обыкновенною смертною. Въ своей дѣвственной гордости она признаетъ себѣ мужемъ только того, кто побѣдитъ ее въ воинскомъ поединкѣ. И теперь, въ свадебныхъ причитаніяхъ, невеста, оплакивая свою дѣвичью красоту, вмѣстѣ съ нею оплакиваетъ и дѣвичью

волю, которую, по народному обряду — женихъ съ своею дружиною покоряетъ себѣ вооруженною рукою.

Надобно полагать, что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи миѳической. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ круга сѣвернаго Олимпа. Онѣ — или богини изъ прекраснаго рода-племени Вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькиріи, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы.

Впрочемъ, эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величія, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной натуры. Потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ

страшною физическою силою и съ вѣщею мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяють въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности.

Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіе столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій. Онъ prepares ту плодотворную почву, на которой при благопріятныхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація; потому что, сопутствуя необозримымъ массамъ народа на скромномъ поприщѣ ихъ безвѣстнаго прозябанія, только онъ

21

одинъ не перестаетъ поддерживать въ нихъ хотя бы и смутное сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе въ себѣ челоуѣческаго существа; тогда какъ

всѣ другія цивилизующія средства, распространяемая грамотностью и политикою, въ теченіе многихъ столѣтій, часто способствовали къ отупленію народныхъ массъ, съ тою цѣлью чтобъ въ матеріальномъ и нравственномъ порабощеніи ихъ открывать постоянные источники для корыстолюбивой монополіи.

Потому не въ одномъ только эстетическомъ отношеніи заслуживаетъ полного вниманія всякаго мыслящаго человѣка то замѣчательное явленіе, что русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько ярыхъ образцовъ той высшей, идеальной природы женской, которой общая характеристика предложена мною выше. И эти прекрасные образцы, то суровые и величавые, то нѣжные, чисто женственные, по преданію переходя изъ одного поколѣнія въ другое, дожили въ былинахъ и сказкахъ до нашихъ временъ, несмотря на педантство древнерусскихъ книжниковъ, не перестававшихъ въ теченіе столѣтій унижать темными подозрѣніями добрые нравы женщинъ; несмотря на

грубую жизнь прстонародія, столько вѣковъ коснѣвшаго безъ руководства свѣтской литературы, столь доступной всякому, и потому легко облагораживающей и очищающей нравы; несмотря наконецъ и на то, что на Руси вовсе не было общественной жизни, которая такъ способствуетъ образованію ума и сердца женщины.

Эти благородные типы женской природы были созданы въ русскомъ эпосѣ тогда, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ, когда еще дѣвицы не запирали въ терема, чтобы спасти ихъ честь, и когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, не далеко отставало отъ князей и бояръ. Впрочемъ, если взять въ соображеніе, что двоевѣріе или полуязычество процвѣтало на Руси чуть ли не до нашихъ временъ, что бояре московскіе въ XV вѣкѣ едва ли были грамотнѣе и цивилизованнѣе новгородскихъ мужиковъ своихъ современниковъ, и что

даже въ XVII вѣкѣ просвѣщенные люди Москвы далеко уступали въ образованіи малорусскимъ казакамъ; то можно съ достовѣрностью допустить ту мысль,

---

22

что малое просвѣщеніе древней Руси идеями христіанства и крайній недостатокъ литературнаго образованія, до позднѣшихъ временъ, могли поддерживать въ великорусскомъ народѣ тѣ древніе эпическіе идеалы женскіе, которые были когда-то созданы, и безъ всякаго историческаго развитія, будто окаменѣлые, доселѣ сохранились въ народномъ сознаніи.

Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сбереглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна бы направляться дѣйствительность, еслибы въ ней больше было умственной нравственнаго движенія. Итакъ, не соотвѣтствуя дѣйствительности въ эпоху историческаго развитія русской жизни, не отражая въ себѣ дѣйствительно

существующихъ личностей, все же народный эпосъ оказывалъ на жизнь вліяніе благотворное, рисуя воображенію не вялыя, безжизненные и часто бессмысленныя фигуры книжнаго бреда древнерусскихъ грамотниковъ, и направляя и раскрывая неиспорченное чувство для любви и уваженія къ женщинѣ въ ея поэтическихъ идеалахъ, а не развращая воображенія тѣми грязными филиппиками, которыми древнерусскій педантъ преслѣдуетъ женщину.

Итакъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того же свѣтлаго миѳическаго источника, откуда, пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственною, полубожественною силой.

Возвратимся къ семьѣ Микулы Селяниновича.

Какъ въ чехо-польскомъ эпосѣ у Крока (или Крака) было три вѣщихъ дочери; такъ и у Микулы Селяниновича — Василиса, Настасья и Марья. Подъ этими позднѣйшими именами церковнаго

кадендаря народный эпосъ изображаетъ героическія личности миѳическаго характера.

Старшая изъ сестеръ, Василиса Микулишна, по прозванію Грозная, была замужемъ за Ставромъ бояриномъ. Этотъ бояринъ изображается при дворѣ князя Владиміра лицомъ самостоятельнымъ, къ княжей дружинѣ не принадлежащимъ¹⁴. Онъ хвалится, что у него „Широкій дворъ не хуже города Кіева“ За эту похвальбу князь Владиміръ велѣлъ Ставра сковать и бросить въ погреба глубокіе, то—есть, въ темницу, а

23

жену его схватить и взять въ Кіевъ. Но храбрая и могущественная дочь Микулы Селяниновича предупредила посла, который за нею ѣхалъ. Она сама нарядилась посломъ изъ Золотой орды, и отправилась въ Кіевъ къ князю Владиміру. Тамъ, подъ видомъ посла Василя Ивановича, изумила она всѣхъ своею великою силой, съ

---

¹⁴ Кирша Данил, стр. 123 и слѣд.

которою не могли соперничать сами богатыри.

Положено было для испробованія посла стрѣлять изъ лука въ дубъ за цѣлую версту. Сначала стрѣляли богатыри Владиміровы; ихъ было двѣнадцать.

Стали они стрѣлять по сыру дубу за цѣлу версту,

Попадаютъ она по сыру дубу.

Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ,

И отъ той стрѣльбы богатырскія

Только сырой дубъ качается,

Будто отъ погоды сильныя.

Дошла очередь до Василисы Микулишны. Она велѣла подать свой дорожный лукъ: „Есть у меня лучонко волокитной —говорила она, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю.“ Но онъ оказался такой громадный, что десять человѣкъ едва могли стащить его съ мѣста:

Подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ,

Подъ другой несутъ столько
же,

Колчанъ тащатъ каленыхъ
стрѣль тридцать человекъ.

И говоритъ князю таково
слово:

„Что потѣшить—де тебя князя
Владиміра?“

Беретъ она въ ту рученку
лѣвую

И беретъ стрѣлу каленую,
Та была стрѣлка булатная, —
Вытягала лукъ за ухо —
Спѣла тетивка у туга лука:
Звыла да пошла калена
стрѣла,

Угодила въ сыръ
кряковистый дубъ.

Хлеснетъ по сыру дубу —
Изломала его въ черенья
ножевыя.

И Владиміръ князь окорачь
наползался,

И всѣ тутъ могучіе богатыри
Встаютъ какъ угорѣлые.

И такимъ образомъ, дочь Селяниновича, превзошедши воинственными подвигами самихъ богатырей, спасаетъ своего мужа изъ неволи и вмѣстѣ съ нимъ возвращается домой.

Другая былина¹⁵ даетъ въ супруги Василисѣ Микулишнѣ

24

какого-то Данилу Денисьевича, владѣтельнаго князя черниговскаго, слѣдовательно тоже человѣка независимаго, стоящаго внѣ княжей дружины. Однажды князь Владиміръ, будучи еще холостымъ, вздумалъ предложить своимъ богатырямъ, чтобъ они нашли ему невѣсту, чтобъ лицомъ была красна и умомъ сверстна, — чтобы было, говорилъ онъ богатырямъ, кого назвать вамъ матушкой, величать государыней:

И было бы мнѣ съ кѣмъ думу подумати,

---

¹⁵ Кирѣевск. Пѣсни, выпускъ 3, стр. 32.

И было бы съ кѣмъ слово
промолвити,
При пиру при бесѣдушкѣ
похвалитися,
И было бы кому вамъ
поклонитися.

Богатыри порадили князю добыть
Василису Микулишну, изведши смертью ея
мужа. Но изъ всѣхъ придворныхъ
угодниковъ только одинъ Илья Муромецъ
возмутился нечистымъ дѣломъ: „Ужь ты
батюшка, Владиміръ князь! говорилъ онъ:

Изведешь ты яснаго сокола:
Не пымать тебѣ бѣлой
лебеди.“

Это слово князю не
показалось,
Посадилъ Илью Муромца въ
погребъ.

Чтобы погубить Данилу, рѣшено было
послать его на вѣрную смерть, „въ службу
дальнюю, невозвратную“:

Мы Данилушку пошлемъ во
чисто поле,
Въ тѣ ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко
гремячему,
Велимъ пымать птичку
бѣлогорлицу,
Принести ее къ обѣду
княженецкому;
Что еще убить ему льва
лютаго,
Принести ого къ обѣду
княжнецкому.

По другому варианту¹⁶, его посылаютъ на
Буянъ островъ, убить лютаго звѣря,
сивопрянаго, лихошерстнаго, и вынуть изъ
него сердце съ печенью.

Поѣхалъ Данило на опасный подвигъ, къ
ключу гремячему; вдругъ видитъ со
стороны Кіева:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
Не черныя грязи
зачернѣлися:

---

¹⁶ Кирѣевск. выпускъ 3 стр. 29.

Забѣлѣлася, зачернѣлася
сила русская
На того ли на Данилу на
Денисьича.

25

Эта русская, то—есть кievская рать,
была выслана противъ Данилы, какъ
самостоятельного удѣльнаго князя. Во
главѣ рати были два богатыря: одинъ
родной братъ Данилы, другой — названный
братъ, Добрыня Никитичъ. Данила, видя
измѣну и вѣроломство, вскрикнулъ:

„Еще гдѣ это слыхано, гдѣ
видано,
Братъ на брата съ боемъ
идеть?“
Береть Данила свое востро
копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во
сыру землю,
А на вострый конецъ самъ
упалъ.
Спороль себѣ Данила груди
бѣлыя,

Безъ мово друга Данилы
Денисьича.“

То—есть, это поцѣлуй кровавый, кровью
ея мужа купленный.

Не обращая вниманія на горькія рѣчи
безотрадной вдовы, князь Владиміръ
велѣлъ ей снаряжаться и беретъ ее съ
собою въ Кіевъ. Подъѣзжая къ тому мѣсту
на полѣ, гдѣ лежитъ трупъ Данилы,
прекрасная дочь Селяниновича просится у
князя Владиміра, чтобъ онъ отпустилъ ее
проститься съ ея милымъ мужемъ. Онъ
отпускаетъ ее въ сопровожденіи двухъ
богатырей:

Подходила Василиса ко милу
дружку,

Полонилась она Данилѣ
Денисьичу:

Поклонилась она, да
восклонилася,

Возговорить она двумъ
богатырямъ

„Охъ вы гой естя, мои вы два
богатыря!

Вы подите, скажите князю
Володиміру,
Чтобы не даль намъ валяться
по чисту полю,
По чисту полю со милымъ
дружкомъ,
Со тѣмъ ли Данилой
Денисьичомъ:“

26

Береть Василиса свой
булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка
груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи
ясныя.
Заплакали по ней два
богатыря.

Князь Владиміръ, узнавъ о
случившемся, увидѣлъ наконецъ, что
безчестно поступилъ онъ, и, какъ видно,
раскаялся, потому что

Выпускалъ Илью Муромца
изъ погреба

Цѣловаль его въ головку, во
темечко:

„Правду сказалъ ты, старой
казакъ,

Старой казакъ Илья
Муромецъ!“

Жаловаль его шубой
соболиною.

Другая дочь Селяниновича, Настасья
Микулишна, была замужемъ за Добрынею
Никитичемъ. Она была поленица, какъ и ея
старшая сестра, то—есть воинственная дѣва.
Еще опредѣлительнѣе и рѣще изображаетъ
былина¹ ея сверхъестественное,
титаническое существо.

Однажды ѣдучи по полю, Добрыня
Никитичъ

Догналь поленицу, женщину
великую.

Удариль своей палицей
булатной

Тую поленицу въ буйну
голову:

Поленица   назадъ   не
оглянется,
Добрыня   на   конѣ
пріухажнется.

Надобно знать, что Добрыня пришелъ въ ужасъ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому что встрѣтилъ такую непомѣрную силу въ исполинской женщинѣ, и, вовторыхъ потому что заподозрѣлъ самого себя: ужь не пропала ли въ немъ самомъ богатырская сила. Чтобъ испробовать свою силу, тотчасъ же

Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру
дубу,
Толщиной былъ дубъ шести
сажень,
Онъ ударилъ своей палицей
во сырой дубъ,
Да разшибъ весь сырой дубъ
по ластинямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
„Сила у Добрыни все по
старому,

А смѣлость у Добрыни не по старому.“

Итакъ, богатырь Добрыня самъ сознается, что онъ струсилъ! Въ высокой степени наивная черта, какими такъ

27

тонко умѣеть отѣнять характеры только истинная, безыскусственная поэзія народнаго эпоса!

Однако могучему богатырю стало обидно, что не сладить съ бабою. Опять бросился за нею, и еще разъ ударилъ ее палицею въ голову: поленица опять будто и не чуетъ, назадъ не оглянется. Въ Добрынѣ возникло новое сомнѣніе, новый страхъ. Онъ опять пробуетъ свою силу на дубѣ ужъ въ двѣнадцать сажень толщины, и опять раздробилъ его въ щепки. Увѣрившись въ себѣ, Добрыня еще разъ пересиливаетъ свою минутную робость, догоняетъ исполинскую женщину, и еще разъ ударяетъ ее палицею по головѣ. Тогда —

Я богатырю голову срублю;
А ежели богатырь онъ
младой,

Я богатыря въ полонъ
возьму ;

А ежели богатырь мнѣ въ
любовь придѣтъ,

Я теперича за богатыря
замужъ пойду.

Значить, дочь Селявиновича съ
полнымъ презрѣніемъ сунула богатыря
Добрыню въ карманъ, даже не взглянувши
на него; и только теперь, выгнувши его изъ
кармана, на него взглянула. Онъ ей
понравился, и сталъ ея мужемъ.

Вышедти замужъ, вѣщая дочь
Селяниновича становится уже
обыкновенною женщиной, потому ли, что
потерявъ дѣвство, она вмѣстѣ съ тѣмъ
утратила свое прежнее миѳическое
могущество, или не потому, что былина
вноситъ

въ ея характеръ другія черты позднѣйшаго быта. Объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди, а теперь бросимъ взглядъ на другіе женскіе типы, по своему миѳическому характеру, родственные дочерямъ Селяниновича.

Жены и любезныя нѣкоторыхъ другихъ богатырей были тоже вѣщія женщины, существа титаническія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь любовныя похождения Ильи Муромца. Онъ имѣлъ сына, по инымъ варіантамъ дочь, отъ какой-то особы, вторая въ разныхъ пѣсняхъ различно именуется, и которая жила гдѣ-то далеко, то-есть, отъ особы, окруженной въ былинахъ таинственностью, туманомъ отдаленья, которой обыкновенно, въ народномъ эпосѣ, даетъ разумѣть о миѳической основѣ былины. То она королева Задонская, то изъ храброй Литвы или откуда-то изъ другой стороны, то она Омелфа Темоевна, то баба Латымирка или даже Латыгорка, отъ моря отъ Студенаго, отъ Камня отъ Латыря, то-есть отъ знаменитаго въ пѣсняхъ и сказкахъ

миѳическаго Алатырь–камня.¹⁷ На языкѣ миѳическомъ эта личность не что иное, какъ баба Горынинка титаническое существо, порожденное горою, или вообще, или горою Алатырь–камнемъ. Потому въ одной побывальщинѣ¹⁸ называется она Авдотьею Горынчанкою, храброю поленицею, которую однажды встрѣтилъ Илья Муромецъ и одолѣлъ съ бою. Отъ него Горынчанка родила богатырскаго сына, по имени Борисъ или Бориска, иначе онъ называется Збуть Борисъ Королевичъ, иначе Сокольникъ, Соловниковъ. Объ этомъ эпизодѣ будетъ еще рѣчь впереди; а теперь надобно взглянуть на другихъ вѣщихъ и воинственныхъ женщинъ, съ когорыми народный эпосъ ставитъ въ связь муромскаго богатыря.

Другой видъ, вѣроятно, той же демонической женщины русскій эпосъ¹⁹ изображаетъ въ прекрасной королевичнѣ, которая держитъ въ плѣну своихъ любовниковъ.

---

¹⁷ Кирѣвск. выпускъ I, стр. 79. 83–5, 73. Выпускъ IV. стр. 17 Рыбник. I, стр. 79.

¹⁸ Рыбник. I, стр. 65.

¹⁹ Рыбник. 62–65; Кирѣвск. I, 88–89.

Однажды, ѣдучи по полю, Илья Муромецъ встрѣтилъ на розтани, или распутьи, камень; на немъ, по сказочному обычаю, подпись подписана:

29

Въ розстань ѣхать — убиту
быть,

А въ другую ѣхать — женату
быть,

А въ третью ѣхать — богату
быть.

Отправившись въ ту розстань, гдѣ женату быть, Муромецъ пріѣзжаетъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ. Входитъ внутрь. Его встрѣчаетъ прекрасная королевична, беретъ за руки и цѣлуетъ. „У тебя есть ли охота, горитъ ли душа со мной дѣвицей позабавиться?“ говоритъ она; и только что Илья сталъ было ее ласкать, тотчасъ же подъ нимъ провалилась кровать подъ полъ, и онъ очутился въ глубокихъ погребахъ, гдѣ наобманывано было у ней туда сорокъ царей, сорокъ царевичей, также какъ онъ, попавшихъ въ любовныя сѣти этой Цирцеи

русскаго эпоса. Нашъ герой плѣнниковъ высвободилъ, а прелестницу разорвалъ на четыре четверти и разметалъ на четыре стороны.

Къ этому же роду вѣщихъ женщинъ принадлежитъ Святогорова жена, съ которою Илья тоже былъ въ любовныхъ связяхъ²⁰.

Однажды муромскій богатырь заснулъ въ чистомъ полѣ. Его будить конь, увѣдомляя, что ѣдетъ страшный богатырь Святогоръ. Илья спрятался отъ него на высококомъ дубѣ, и —

Видить: ѣдетъ богатырь
выше лѣсу стоячаго,

Головой упираетъ подъ
облаку ходячую,

На плечахъ везетъ
хрустальный ларець.

Пріѣхалъ богатырь къ сыру
дубу,

Снялъ съ плечъ хрустальный
ларецъ.

---

²⁰ Рыбник. стр. 37.

Отмыкаль ларець золотымъ
ключомъ:

Выходитъ оттоль жена
богатырская.

Такой красавицы на бѣломъ
свѣтѣ

Не видано и не слыхано.

Жена собрала Святогору обѣдъ, взявъ
припасы изъ того же ларца. Потомъ, когда
мужъ заснулъ, пошла она гулять и увидѣла
на дубѣ Илью Муромца. Онъ ей
понравился, и она пригласила его раздѣлить
съ нею любовь.

Послѣ того—то жена Святогора и
посадила Илью въ карманъ къ своему
мужу, подобно тому какъ сѣверный Торъ
сидѣлъ въ рукавицѣ великана. Но когда они
поѣхали, коню стало тяжело, и онъ
увѣдомилъ, что въ карманѣ

30

сидитъ богатырь. Святогоръ вынулъ изъ
кармана Илью Муромца, и узнавъ отъ него
про невѣрность своей жены, ее убилъ, а съ

нимъ помѣнялся крестомъ и назвалъ его своимъ меньшимъ братомъ.

Наконецъ и законную жену Ильи Муромца эпосъ²¹ изображаетъ воинственною поленицею. Однажды на Кіевъ напалъ Тугаринъ съ грозною ратью. Богатыри перепугались; князь Владиміръ посылаетъ за Ильею Муромцемъ, когорого однако тогда дома не случилось. Дома была только молодая его жена Савишна. „Хорошо, говоритъ она гонцу: иди назадъ; Илья за тобою не замѣшкаетъ.“ Проводивши гонца, —

Наказала коня сѣдлатъ
добраго,
Одѣвалась въ платье
богатырское,
Не забыла колчанъ
каленыхъ стрѣлъ,
Тугой лукъ, саблю острую.

---

²¹ Кирѣвск. I, 57. Г. Безсоновъ, въ Указателѣ, при IV выпускѣ сборника Кирѣвск., столб. 32 и 105, почему-то думаетъ, что Савишна смѣшена съ женою Данилы или Ставра, и что Илья Муромецъ никогда не былъ женатъ. Народъ, не руководясь никакими задними мыслями, не брезгуетъ брачными узами, и украшаетъ ими своего любимаго героя. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ Савишна — воинственная поленица.

Какъ сѣла въ сѣдло, только
и видѣли,

И поѣхала ко городу Кіеву.

Всѣ приняли ее за самого Илью Муромца. Кіевскіе богатыри ободрились, а Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня, и убѣжалъ въ свои улусы Загорскіе.

Въ титаническомъ, сверхъестественномъ существѣ героинь русскаго богатырскаго эпоса замѣчается два, по-видимому, противоположные элемента, какъ добро и зло, но въ основѣ своей исходящіе изъ общаго, миѳическаго источника. То онѣ грозны, величавы и всемогущи, какъ сильнѣйшіе изъ богатырей; то онѣ нѣжны, прекрасны и обольстительны. То онѣ вѣрны своимъ мужьямъ, и изъ любви и преданности къ нимъ готовы на всякую жертву; то онѣ сластолюбивы, измѣнчивы и преступны. То какъ существа иного, лучшаго міра, или какъ послѣднія представительницы отживающаго поколѣнія, только съ бою отдають себя во власть богатырей новаго порядка вещей; то онѣ, будто возвращаясь къ воспоминаніямъ

демонической старины, заводятъ любовныя связи съ Зміемъ Тугаринымъ, какъ

31

сластолюбивая супруга князя Владиміра или Марина прелестница, которая очаровываетъ Добрыню Никитича, и, подобно прекрасной королевнѣ, держащей въ плѣну сорокъ царей, сорокъ царевичей, извела девять князей или богатырей, оборотивши ихъ турами—золотые—рога. Князь Владиміръ окружаетъ себя уже богатырями младшими, предвѣстниками новой, исторической жизни, а супруга его еще знается съ миѳическимъ Зміемъ, а сестра Владиміра, Марья Дивовна, еще въ плѣну у Лютаго Змія, изъ пещеръ котораго освобождаетъ ее Добрыня Никитичъ.

Двуличневый или обоюдный характеръ миѳическихъ героинь часто является въ одномъ и томъ же лицѣ. Такъ жена Добрыни Никитича — то могущественная воительница Настасья, дочь Микулы Селяниновича, существо свѣтлое,

героическое, то еретница Марина, которую мужъ терзаетъ за преступную связь съ Зміемъ Горынчищемъ:

А и сталъ Добрыня жену свою
учить,

От молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу. ... безбожницу:

Онъ первое ученье — ей руку
отсѣкъ,

Самъ приговариваетъ:

„Эта рука мнѣ не надобна,
Трепала она Змѣя Горынчища!“

А второе ученье — ноги ей
отсѣкъ:...

А третье ученье — губы ей
обрѣзаль и съ носомъ прочь;

„А эти—де губы не надобны
мнѣ:

Цѣловали они Змѣя
Горынчища!“

Четвертое ученье — голову ей
отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

„А и эта голова мнѣ не
надобна,

И этотъ языкъ не надобенъ:

Зналь онъ дѣла еретическія.²²

Точно также училъ свою жену Иванъ Гоудиновичъ²³, Авдотью Лебедь Бѣлую, за ея преступную связь съ Идолищемъ поганымъ. Она была дочь черниговскаго царя, но отличалась необычайными свойствами. Когда увидалъ ее въ первый разъ Иванъ Гоудиновичъ, она ткала полотенце, но не какъ обыкновенная дѣвица, а какъ вѣщая ткачиха, въ родѣ сѣверной Норны, или муромской Февроніи:

32

На головкѣ у Авдотьи бѣлы
лебеди,
На лѣвомъ плечѣ у ней черны
соболи,
На правомъ плечѣ сидятъ
ясны соколы;
На прошестяхъ²⁴ у Авдотьи
сизы голуби,

---

²² Кирш. Данил, стр. 71.

²³ Кирѣевск. III, II и слѣд.

²⁴ Основа, утокъ; то что ткуть..

На подножкахъ²⁵ у Авдотьи черны вороны.

Связь ея съ Идолищемъ была уже давнишняя. Авдотья — Бѣлая Лебедь была уже за него просватана, когда Иванъ Годиновичъ явился въ Кіевъ. Нехотя идетъ она замужъ за этого послѣдняго, и въ слезахъ говоритъ своему отцу, Царю Черниговцу:

Ты умѣль меня, бытюшка,
вспоить—вскормить,

Ты умѣль меня, батюшка,
высоко взростить:

Не умѣль меня, батюшка,
замужъ выдати,

Безъ того кроволитьца
великаго!

Когда Иванъ Годиновичъ повезъ ее домой, на дорогѣ ихъ настигъ Идолище поганый и вступилъ въ бой съ Иваномъ, Авдотья помогла Идолищу, и они вмѣстѣ связали Ивана, точно также какъ въ

---

²⁵ У ткацкаго станка.

сербской пѣснѣ связала Ювана его мать и Дивскій Старѣйшина: но Иванъ превозмогъ и смертью казнилъ свою преступную жену.

Итакъ, этотъ Идолище, безъ сомнѣнія, тотъ же лютый змій, который вводилъ въ грѣхъ и жену князя Владиміра, жену Добрыни Никитича, жену муромскаго князя Павла, тотъ же змій, который держалъ у себя въ плѣну Марью Дивовну который, какъ увидимъ дальше, приползалъ въ могилу къ вѣщей супругѣ Потока Михайлы Ивановича. Это — воспоминанье о зміи, представительъ стараго порядка вещей, о падшемъ ангелѣ, который сталъ враждебно между женой и мужемъ и ввелъ ихъ въ искушеніе: преданье отразившееся въ тысячѣ миѳовъ не у однихъ только индо-европейскихъ народовъ.

Языческое чествованье воды и миѳы о рѣкахъ наложили свой отпечатокъ на характеръ вѣщихъ женъ и титаническихъ героинь. Уже было говорено о супругѣ Дуная, королевнѣ Днѣпрѣ, которая приходилась сестрою сластолюбивой женѣ князя Владиміра. Подобно польской Вандѣ,

она должна была погибнуть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Хотя онъ и побѣдилъ ее и взялъ себѣ въ супруги съ бою,

---

33

но все же не могъ окончательно одолѣть ея титаническаго могущества, и съ насады самъ себя погубилъ, когда узналъ, что въ утробѣ убитой имъ жены зарождался чудодѣйственный богатырь.

Слово о Полку Игоревѣ, служа во многихъ случаяхъ связью между историческимъ эпосомъ и мифологическимъ, и здѣсь предлагаетъ драгоценное свидѣтельство въ мифическомъ образѣ дѣвы, плещущей лебедиными крылами на синемъ морѣ. По свидѣтельству одного древняго слова, приписываемаго Св. Григорію, Славяне чествовали какихъ-то Берегинь, т. е. прибрежныхъ богинь выходящихъ изъ воды на берегъ, или Горынинокъ (берегъ — гора).

Признакъ водяной стихіи отразился въ сверхъестественной породѣ женщинъ тѣмъ, что онѣ оборачиваются въ водяную птицу,

преимущественно въ Бѣлую Лебедь. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна былина о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ²⁶. Однажды этого богатыря послалъ князь Владиміръ на охоту, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ, къ своему княжескому столу. Потокъ отправляется къ синему морю, вдоволь настрѣлялъ птицъ, и уже собирался было домой какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку:

Она черезъ перо была вся
золота,

А головушка у ней увивана
краснымъ золотомъ

И скатнымъ жемчугомъ
усажена.

Итакъ, эта бѣлая лебедь была существо необычайное вовсе не похожее на обыкновенныхъ птицъ. Тогда —

Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,

---

²⁶ Кириш. Данил, стр. 215 и слѣд.

Изъ колчана вынималъ калену
стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ
руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку
шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за
ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену
стрѣлу —
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:

34

„А и ты, Потокъ Михаила
Ивановичъ!
Не стрѣляй ты меня лебедь
бѣлую,
Нѣ въ кое время пригожуся
тебѣ.“

Выходила ова на кругой
бережокъ,
Обернулася душой красной
дѣвицей.

Потока женился на оборотнѣ дѣвицѣ Бѣлой Лебеди, съ тѣмъ уговоромъ, что кто изъ нихъ прежде умретъ, другому за нимъ живому въ гробъ идти. Вѣщая Лебедь—дѣвица, своею мудростью, обмерла; въ могилу къ ней посадили Потока вмѣстѣ съ конемъ. Собирались въ могилу всѣ гады змѣиныя, потомъ пришелъ и самъ большой Змѣй, жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. Потокъ его убилъ и воскресилъ свою жену, помазавъ ее змѣиною головою²⁷.

По другимъ вариантамъ²⁸, эта вѣщая женщина родомъ изъ Подолья Лиходѣева, Марья Подоленка Лиходѣевна. Будто бы Потокъ привелъ ее въ вѣру крещеную, и тогда дали ей имя новое: Настасья Лебедь Бѣлая Лиходѣевна. Когда она обмерла,

---

²⁷ Очевидное сродство этого мифа съ нѣмецкими сказками показано въ Историч. Очеркахъ, ч. I, стр. 239.

²⁸ Рыбник. 213 и слѣд.

Потокъ воскресилъ ее въ могилѣ живою водою, которую принесъ подземельный Змій.

Про эту богатырску молодую жену

Прошла слава великая
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ:

Что не стало такой красавицы ни гдѣ, ни вездѣ,

Ни подъ краснымъ подъ солнышкомъ.

И наѣзжало сорокъ царей, сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей; требуютъ, чтобы князь Владиміръ выдалъ имъ эту богатырску молодую жену, не то они весь Кіевъ повырубятъ. Владиміръ велитъ Потоку выдать безъ бою, безъ драки, свою молодую жену, потому что „для одной бабы не погибать цѣлому царству.“ — „Отдай свою богатырску княгиню Опраксію, — возражаетъ Потокъ; а я не отдамъ жены съ добра.“ Борьба изъ-за прекрасной жены,

воспѣваемая въ Иліадѣ, въ финской Калевалѣ и другихъ народныхъ эпосахъ, получаетъ здѣсь болѣе опредѣленный характеръ, объясняемый скадинавскимъ миѳомъ о томъ, какъ великаны требовали отъ боговъ Фрей, прекрасной супруги Одиновой, и какъ вмѣсто ея, въ ея платьѣ

35

въ жилище великановъ отправлялся, въ видѣ невесты, богъ Торъ. Такъ и Потокъ Михайла Ивановичъ перерядился въ платья женскія и пошелъ къ тѣмъ царямъ и царевичамъ. Попривѣтствовавъ ихъ, спрашиваетъ: „за кого же мнѣ изъ васъ замужъ идти? Вѣдь у васъ изъ-за меня будетъ много кроволитія напраснаго. А вотъ я стрѣльну изъ туга лука: кто первый мою стрѣлку найдетъ, ко мнѣ принесетъ, — за того я и за мужъ пойду.“ Стрѣлили стрѣлку, и когда женихи за ней поразбѣжались, онъ всѣхъ ихъ прирубилъ. Но воротившись домой, онъ уже не нашель своей жены. Ее похитилъ въ волынскую землю какой-то царь Вахрамей

Вахрамеевичъ, соотвѣтствующій Змію Горыничу или Идолицу поганому другихъ былинь. Демоническая натура жены Потока выразилась связью съ этимъ миѳическимъ существомъ, на которое она промѣняла своего мужа, превративъ его въ камень, какъ Марина обернула Добрыню Никитича туромъ—золотые рога. Какъ Девкаліонъ и Пирра, бросая камни позадь себя, превращали ихъ въ людей; такъ эта вѣщая жена Лебедь Бѣла, наоборотъ, —

Перекинула Михайла черезъ
себя,

Сама говорила таковы слова:
Гдѣ былъ душечка Михайла
Потыкъ Ивановичъ,

Тутъ стань бѣль горючь
камень,

А пройдетъ времечка три
году,

И пройди сквозь матушку
сыру землю.“

Камень этотъ былъ такъ тяжелъ, что никто изъ богатырей не могъ поднять его;

только нѣкоторый Старчище, вѣроятно
какой-нибудь старшій богатырь, поднялъ
камень на плечи, а самъ приговариваль:

Разсыпья, бѣль горючь
камень,

На тѣ ли на мелки на
часточки,

А вставай, душечка Михайла
Потыкъ Ивановичь.

Послѣ разныхъ приключеній Потокъ
отомстиль за себя, убивъ царя Вахромея и
свою преступную жену.

Мы уже видѣли какой видный слѣдъ
оставило по себѣ въ русскомъ миѳическомъ
эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще,
выразившееся въ типахъ морскаго царя, или
Водяника, и его многочисленныхъ дѣтей,
рѣкъ и озеръ. Въ лицѣ Авдотьи
Лиховидьевны, или Марьи Лиходѣевны,
Бѣлой Лебеди, возсоздано миѳическое
существо того же разряда.

Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнь. За неимѣніемъ древнѣйшихъ миѳическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыя пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Потому не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова о тождествѣ старшей дочери Селяниновича съ сказочною Василисою Прекрасною, съ Василисою Золотая Коса и т. п.²⁹ А сказочная Василиса именно и есть существо миѳическое, и по преимуществу — водное; она дочь водянаго, или морскаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица.

Есть даже такія сказки, гдѣ выходитъ она замужъ за одного витязя изъ дружины князя Владиміра, и даже именно за Данилу, который и въ сказкѣ называется Безчастнымъ, каковъ онъ былъ и по

---

²⁹ Замѣтка въ IV выпускѣ сборника Кирѣевского. Стр. 52–4. 163–4. 172–4.

разказу уже извѣстной намъ былины. Еслибы даже сходство въ собственныхъ именахъ между былиною и сказкою было случайное, то самый смыслъ сказки, только въ фантастической обстановкѣ, основанъ на томъ же главномъ мотивѣ, какъ и былина. Князь Владиміръ случайно узнаетъ на пиру о прекрасной женѣ Данилы, хочетъ ее видѣть, и это свиданіе было губительно для мужа, а вѣщая жена его превосходствомъ своей вѣщей мудрости беретъ верхъ надъ княземъ Владиміромъ и надъ всею его дружиной.

Вотъ главные мотивы этой превосходной сказки³⁰. При дворѣ князя Владиміра былъ Данило Безчастный дворянинъ. Его всегда во всемъ обходила. Однажды къ Свѣтлomu Воскресенью князь Владиміръ задалъ ему мудреную задачу — отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, велитъ къ празднику шубу сшить; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ звѣрей выливать, въ петляхъ заморскихъ птицъ вышивать. По указанію одной вѣщей старухи, пошелъ

---

³⁰ Аѳанасьева Сказки. VI, стр. 289.

Данило Безсчастнѣй къ синю морю, сталь
у сыра дуба. Въ самую полночь сине море
всклыхалосѣ, вышло къ нему Чудо–Юда,
морская губа, безъ рукъ, безъ

37

ногъ — одна борода сѣдая! Ухватилъ его
Данило за бороду и принялся бить о сыру
землю. Спрашиваетъ Чудо–Юда: „За что
бьешь меня, Данило Безсчастнѣй?“ — „А
вотъ за что, говорить тотъ: дай мнѣ
лебедь–птицу, красную дѣвицу, Лебедь
Страховну! Сквозь перьевъ бы тѣло
виднѣлось, сквозь тѣла бы косточки
казались, сквозь костей бы въ примѣту
было, какъ изъ косточка въ косточку мозгъ
переливается, словно жемчугъ
пересыпается.“

Трудно найти въ апической поэзіи
родственныхъ народовъ болѣе изящное и
точное выраженіе для характеристики этого
обоюднаго миѣческаго существа, оборотня
Лебедь–дѣвицы. Сквозь великолѣпныя
золотыя перья и жемчужную головку

Лебеди виднѣются нѣжныя и прекрасныя формы самой дѣвицы, которая, будто бы сѣверная Фрея, только на время одѣлась въ воздушную оболочку своей пернатой одежды. Поэтическій, пластичный образъ русской сказки производитъ почти такое же впечатлѣніе, какъ тѣ античныя статуи греческаго рѣзца, которыя сквозь роскошную драпировку изящно въказываютъ формы человѣческаго тѣла и каждое малѣйшее ихъ движеніе!

По повелѣнію Чуда-Юды, является сама Лебедь-Страховна, и, узнавши отъ Данилы о задачѣ князя Владиміра, крылушками махнула, головой кивнула: явились вѣще работники, и не только сшили шубу, но и построили великолѣпный дворець, въ который Лебедь-дѣвица ввела Данилу какъ своего мужа. Но когда онъ пришелъ къ князю Владиміру, надѣвъ эту чудную шубу, тамъ на пиру у него, когда богатыри ѣли-пили, прохлаждалися, собой величались, не вытерпѣлъ, спяну сталъ женой своею похваляться. Князь Владиміръ изъявилъ желаніе ее видѣть, и въ

сопровожденіи многочисленнаго войска отправился въ ея роскошный дворець. При немъ были Алеша Поповичъ и самъ Данило Безсчастный. На дальнемъ пути ко дворцу, князь растерялъ все свое войско, которое тамъ и сямъ оставалось при переправѣ черезъ медвяныя и винныя рѣки, соблазненное этими даровыми напитками, въ такомъ изобиліи приготовленными вѣщею Лебедь-дѣвицей. Владиміръ достигаетъ дворца только самъ-четверть, съ княгинею да съ двумя богатырями. Входятъ въ палаты и садятся за накрытые столы съ роскошными яствами. Но сама хозяйка не является, сколько Данило ни вызывалъ ее. „Еслибъ

38

это сдѣлала моя жена, говоритъ Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: — я бѣ ее научилъ мужа слушаться!“ Услыхала то Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: „Вотъ-де какъ мужей учать!“ Крылушкомъ махнула, головой кивнула, взвилась-полетѣла, и

остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мохъ, по четвертую — охъ!

Въ другихъ сказкахъ эта вѣщая дѣвица оборотень называется то Еленою Прекрасной, то, еще чаще, Василисою Премудрою или Прекрасною³¹. Отцомъ ея царь морской, соотвѣтствующій упомянутому Чуду-Юдѣ. Василиса съ своими двѣнадцатью подругами или сестрами, въ видѣ колпицъ, уточекъ, лебедей или голубицъ, прилетаютъ на воду, и скинувъ съ себя свои пернатые сорочки, купаются. Иванъ Царевичъ или какой другой витязь, спрятавшись отъ дѣвицъ-оборотней, похищаетъ сорочку Василисы; подруги или сестры ея улетаютъ, а она остается во власти витязя и выходитъ за него замужъ. Отецъ Василисы, царь морской, задаетъ витязю трудныя задачи, и за мужа исполняетъ ихъ его вѣщая жена. Въ одной сказкѣ³² Василиса Премудрая, какъ истая богиня, повелительница всей

---

³¹ Аѳанасьева Сказки. V, стр. 96 и слѣд. VI, стр. 205 и слѣд. 295 и слѣд.

³² Аѳанасьева Сказки. VI, стр. 209.

природы, велить исполнять эти задачи животнымъ. Такъ царь морской велить въ одну ночь превратить каменистую почву въ плодородную, засиять рожью, чтобъ она въ ту же ночь уродилась и поспѣла; потомъ въ одну же ночь обмолотить триста скирдовъ пшеницы, а скирдовъ не ломать, сноповъ не разбивать. Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громкимъ голосомъ: „Гей вы, муравьи ползучіе! сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ ползите сюда и повыберите зерно изъ батюшкиныхъ скирдовъ чисто—на—чисто.“ Явились русскіе Мирмидоны и какъ разъ исполнили повелѣнное. Наконецъ царь морской въ одну ночь велѣлъ построить изъ воску церковь. Его вѣщая дочь опять вышла на крылечко и кликнула: „Гей вы, пчелы работающія? Сколько васъ на бѣломъ свѣтѣ ни есть, всѣ летите сюда и лѣпите изъ чистаго воску церковь божію, чтобъ къ утру была готова!“ Слетались отовсюду пчелы и исполнили повелѣнное.

Когда вѣщая Василиса съ мужемъ спасается бѣгствомъ изъ палатъ отъ своего отца, морскаго царя, на дорогѣ, чтобъ избѣжать погони, нѣсколько разъ оборачиваетъ и себя и своего мужа въ разные виды. То себя обернетъ смирною овечкой, а его старымъ пастухомъ, то себя уткою, а его селезнемъ, то себя церковью, а его попомъ. Но самое замѣчательное ея превращеніе въ рѣчку, вполне согласное съ тѣми миѳическими эпизодами нашего эпоса о Дунаѣ, Днѣпрѣ, Смородинѣ, которые уже были нами рассмотрѣны въ связи съ былинами о богатыряхъ старшихъ³³.

Когда Иванъ Царевичъ съ своею невѣстой уже достигъ родины, морской царь, не догнавъ ихъ, оборачиваетъ бѣглянку рѣкою на три года, то—есть возвращаетъ ее на время въ ея первобытное стихійное существо. Наконецъ ея прекрасный образъ увидѣли на днѣ колодца; и она выходитъ оттуда къ своему

---

³³ См. Русскій Вѣстникъ № 3.

мужу, который уже было и забыть ее въ эти три года³⁴.

Забыть вѣщую женщину — невесту или жену — самый обыкновенный сказочный мотивъ не у однихъ Русскихъ. Имъ выражается разобщеніе въ интересахъ и различіе въ самой натурѣ между витяземъ— женихомъ, обыкновеннымъ смертнымъ, и его суженою, вѣщею, сверхъестественною женщиной. Сѣверный Зигурдь (или Зигфридъ), низведенный изъ круга богжествъ въ историческіе герои, уже подчиняется вѣщей силѣ валькириі Брингильды; онъ ее любитъ и поучается отъ нея мудрости, то—есть древнимъ рунамъ или вѣщбамъ; потомъ, выпивъ чарующаго пойла, забываетъ ее для Гудруны, къ которой, какъ къ существу сходному съ собою по человѣческой природѣ, онъ уже питаетъ больше симпатіи.

Такова сверхъестественная поэтическая область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ самые ранніе идеалы женской природы! Въ этой фантастической области,

---

³⁴ См. малорусскій вариантъ въ Сказкахъ г. Аѳанасьева. VI, 217—8.

былины о старшихъ богатыряхъ
встрѣчаются съ сказочными вымыслами, и
эпосъ и сказка общими силами
поддерживаютъ въ народѣ идею о
первоначальномъ величїи женщины, какъ
такого вѣщаго, чудеснаго существа,
которому когда-то подчинялась
богатырская сила мущины.

40

Въ русскомъ эпосѣ память объ этой золотой порѣ въ исторіи женщины соединяется съ колоссальною личностью Микулы Селяниновича, отца трехъ вѣщихъ дѣвъ, состоящихъ, какъ показано, въ родствѣ съ цѣлымъ поколѣніемъ миѳическихъ существъ. Потому уже и въ самомъ Селяниновичѣ надобно видѣть не просто историческаго героя, и также не представителя только быта земледѣльцевъ и поселянъ.

Какъ пахарь съ своею золотою сохою, онъ существенно отличается отъ кочеваго, переходящаго Селяниновича, съ своею сумкою переметною, признакамъ бездомнаго коченья. Какъ Илья Муромецъ, отправившись изъ дому на богатырскіе подвиги, беретъ съ собою въ ладонкѣ горсть родной земли, по пословицѣ: „своя земля и въ горсти мила;“ или какъ у нѣкотораго старца переходящаго въ котомкѣ

разбойникъ Аника³⁵ нашель узелки съ землю: такъ Макула Селяниновичъ, въ качествѣ представителя самой ранней эпохи выхода изъ кочевья къ осѣдлости, идетъ навстрѣчу зачинающейся на Руси исторической жизни, съ своею переметною, дорожною сумочкой, неся въ ней родную землю откуда-то издалека. Но сумочка съ землю такъ тяжела, что не въ подъемъ самому могучему изъ старшихъ богатырей. Потому символъ родной земли тотчасъ же возводится въ сказаніи о Селяниновичѣ до колоссальнаго, можетъ-быть, миѳическаго представленія о всей землѣ, которую дѣйствительно не поднимешь, какъ выражается о землѣ русская загадка: „Матушкиной коробьи или отцова сундука не подымешь.“³⁶

Еслибы въ отдаленную старину наши предка представляли себе исполинское божество, держащее въ рукахъ землю, или, какъ Селяниновичъ, несущее ее въ сумочкѣ; то уже не въ загадкѣ, требующей

---

³⁵ Кирѣвск. IV-й выпускъ, въ замѣткѣ стр. 112.

³⁶ Даля Пословицы стр. 1063.

отгадыванья, а въ обычномъ эпическомъ выраженіи, или поговоркѣ, могли бы о несмѣтной тяжести земли говорить: „Микулиной сумочки не подымешь!“

Такой колоссальный образъ могъ бы соотвѣтствовать въ фантазіи народа тѣмъ стариннымъ иконописнымъ типамъ, которые, для выраженія идеи о вседержительствѣ и власти, держатъ въ рукѣ земной шаръ.

VI.

Переходимъ къ Ильѣ Муромцу. Какъ высшій герой русскаго богатырскаго эпоса, онъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ главные его интересы.

Тотъ же можетъ себѣ составить яснаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ, кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіе столѣтій, доходитъ до насъ переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ миѳической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца. Подводя древнія преданія подъ уровень церковнаго календаря, фантазія сначала сближаетъ Перуна, покровителя земледѣлія съ Ильею пророкомъ, котораго называетъ

тоже Громовникомъ; потомъ сложный полубожественный типъ Ильи Муромца—Перуна, можетъ—быть, даже по тождеству имени, сливается въ одну личность съ Ильею Громовникомъ. Какъ произошла эта эпическая метаморфоза, отъ насъ сокрыто въ таинственной дали ранняго творчества народной фантазіи: собственное ли имя муромскаго богатыря послужило точкою соприкосновенія между Перуномъ и Ильею пророкомъ, или Муромецъ, наслѣдовавшій силы божества земледѣльческаго, потому только сближень былъ съ Ильею пророкомъ, что этотъ послѣдній слыветъ Громовникомъ, какъ и языческій Перунъ? Какъ бы то ни было, но слѣдующая замѣтка г. Даля³⁷ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что народныя преданія сближаютъ русскаго богатыря съ ветхозавѣтнымъ пророкомъ: „Пустившись въ путь (изъ дому)

---

³⁷ Замѣтка въ 1-мъ выпускѣ сборника Кирѣвскаго стр. 33.

Илья даль первый ускокъ въ полпути до Мурома (версты полторы): тутъ изъ-подъ копытъ богатырскаго коня живой ключъ удариль, бьющій и понынѣ; надъ нимъ постановлена часовенка во имя пророка Или. На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходить испить водицы, набратъся богатырской силы.“

По былинѣ³⁸ эту часовню строить самъ муромскій богатырь, будто памятникъ себѣ для потомства:

Первый скокъ скочиль на
пятнадцать версть;

Въ другой скочиль —
колодезь сталь;

У колодезя срубиль сырой
дубъ.

У колодезя поставиль
часовенку,

Въ часовнѣ подписаль свое
имячко:

„Бхаль такой-то сильной
могучій богатырь,

---

³⁸ Кирѣвск. Пѣсни. I, стр. 35.

Илья Муромецъ сынъ
Ивановичъ.“

По народнымъ разказамъ, Илья Муромецъ родился въ крестьянскомъ семействѣ изъ села Карачаева или Карочарова въ Муромской области, отъ крестьянина Ивана Тимоѳеева. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачатъся въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеаль въ Перунѣ–Торѣ. Громовникъ Илья–Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина–земледѣльца, выкосить въ своемъ идеаль всѣ древнѣйшія воспоминанія Славянъ при переходѣ ихъ въ быть земледѣльческій. Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе миѳическаго Селяниновича, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіею путь. Въ немъ доносятся до насъ раннія сказанія о Чехѣ и Лѣхѣ чехо–польскаго эпоса; онъ вмѣстѣ и

чешскій Премысль, переведенный на русскую почву. Не достаетъ только мужицкихъ лаптей Ильи Муромца въ сокровищницѣ русской старины. Но какъ увидимъ, онъ долженъ былъ уже промѣнять лапти на сапоги при дворѣ князя Владиміра, гдѣ по свидѣтельству лѣтописца Нестора уже свысока отзывались о лапотникахъ.³⁹

43

Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двойкомъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хоть и родился отъ крестьянъ—земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ, во цѣлыя тридцать лѣтъ сиднемъ сидѣлъ на печи, подъ собою яму протеръ, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеаль, который въ былинахъ прослылъ Ильею Муромцомъ. Созданіе

---

³⁹ Добрыня говоритъ князю Владиміру: „Посмотрѣлъ я на колодниковъ — всѣ они въ сапогахъ: эти дави вамъ не дадутъ. Пойдемъ, поищемъ лучше лапотниковъ.“ Собран. Лѣтоп. I. 36.

человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи — вотъ настоящее рожденіе богатыря. Потому, внимательному взгляду привыкшему слѣдить за переворотами народнаго эпоса, помимо муромскихъ мужичковъ, въ прѣдкахъ Ильи Муромца представляются другія личности, возникшія въ сферѣ языческаго чествованія существъ мифологическихъ.

О зарожденіи богатырской силы въ Ильѣ русскій эпосъ сохранилъ два различныя преданія, согласныя между собой только въ томъ, что по обоимъ это дѣло совершается сверхъестественнымъ образомъ.

По одному преданію, Илья получилъ силу еще въ домѣ отца, гдѣ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ. Будто приходятъ калики перехожіе (по другими вариантамъ, нищая братія, или самъ Христосъ съ двумя апостолами — обыкновенное подновленіе древнѣйшихъ эпическихъ типовъ), а будто бы велятъ ему принести ведро или чашу воды. Тогда, по вѣщему велѣнію, онъ впервые всталъ на ноги и принесъ воды.

„Выпей самъ,“ говорятъ ему пришельцы. Илья выпилъ. „Что въ себѣ чувствуешь?“ спрашиваютъ его. „— Чую великую силу.“ — „Поди, принеси еще ведро.“ Илья приноситъ еще, и еще разъ выпиваетъ.

Много ли Илья чувствуешь въ себѣ силушки?

— „Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,

Ко столбу было бы золото кольцо,

За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!“

По другому варианту, онъ отвѣчалъ: „Еслибы вернуть кольцо въ землю, я бы всю землю перевернулъ.“

Это именно и есть та тяга земная, подъ которою изнемогъ самъ Святогоръ. Въ послѣдствіи, наглядно была представлена она положенною въ переметной сумочкѣ, которую на Русь вывезъ съ собою Селяниновичъ.

„Много дано Ильѣ силы“, сказали прохожіе, услышавъ такой отвѣтъ: „земля не снесетъ; поубавимъ силы.“ И еще разъ велели ему принести воды и выпить, и когда онъ выпилъ, спрашивали:

„— Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?“

„— Во мнѣ силушки половинушка.“

„— Будетъ съ тебя!“ сказали нищя братія и отправились въ путь.

Не надобно приписывать никакого особеннаго значенія позднѣйшей, будто бы христіанской обстановкѣ этой сцены. Прибавленіе силы отъ чудодѣйственнаго поила — мотивъ обыкновенный не въ однихъ русскихъ сказкахъ. Такъ въ одной норвежской сказкѣ⁴⁰, Троль, существо миѳическое, велитъ нѣкоторому королевичу трижды глотнуть изъ бутылки, и каждый разъ прибывало въ немъ силы. Въ русскихъ преданіяхъ миѳическое существо переведено на позднѣйшія лица.

Подновляя до-историческое преданіе христіанскими идеями, народъ

---

⁴⁰ Asbjörnsen. №3.

разказываетъ даже, что и сиднемъ сидѣль Илья Муромецъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ, и что будто бы и всталъ Илья впервые на ноги, когда возгласили въ церкви Христось Воскресъ въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе: такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ ростовскимъ объ Аврааміи. Также какъ Илья Муромецъ, Авраамій до восемнадцати-лѣтняго возраста пролежалъ въ разслабленіи въ домѣ своихъ богатыхъ родителей-язычниковъ. Также приходятъ какіе-то калики перехожіе, Новгородцы. Отъ нихъ онъ услышалъ о вѣрѣ въ Иисуса Христа, самъ увѣровалъ, и сталъ на ноги, будто Илья услышавшій Христось Воскресе.⁴¹

Когда Илья Муромецъ получилъ свою силу, домашнихъ никого тогда не случилось: все необычайное совершается въ тайнѣ. Отецъ съ матерью были на полевой работѣ, кажется, расчищали лѣсъ подѣ

---

⁴¹ Графа Толстаго Древнія Святыни Ростова Великаго. Изд. 2-е 1860 года стр. 60.

древней Руси, покрытой то болотами, то
лѣсами. Такъ надобно полагать,
основываясь на сказкѣ,

45

по которой Илья, вставъ на ноги,
соскучился дома и пошелъ копать въ лѣсъ,
свою силу пробовать. И ужаснулся народъ,
увидавъ что Илья сдѣлалъ, сколько лѣсу
накопалъ. Тутъ въ изумленіи подбѣжали къ
нему и отецъ съ матерью, и увѣрились въ
великомъ чудѣ.¹ По варианту, изданному г.
Рыбниковымъ, Илья, пришедши на работу,
„взялъ топоры и началъ пожни чистить.“

Впрочемъ не въ однихъ земледѣльческихъ
трудахъ Илья Муромецъ оставилъ на
родинѣ память о своей силѣ. Онъ
совершилъ титаническій подвигъ, покоривъ
себѣ цѣлую гору, будто сѣверный Торъ,
сражавшійся съ исполинами горъ. Когда
Илья сталъ просить благословенія
родительскаго на богатырскіе подвиги, и
отецъ его недовѣрчиво усумнился, то онъ,
созвавъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку,
уперся плечомъ въ гору, сдвинулъ ее съ

крутаго берега и завалилъ Оку. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки засыпанное Ильею.²

Итакъ даже древнѣйшія преданія о переворотахъ совершившихся иногда въ самой природѣ муромской народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ. Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ въ честь его воздвигнутый. Такова родственная связь самага народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами. Чтобъ не быть пошлою компиляціей или напыщеннымъ панегирикомъ, легенда должна питаться мѣстными эпическими преданіями. Въ этомъ состоитъ ея существенное жизненное начало. Въ основѣ муромскихъ преданій, занесенныхъ въ легенды, исторія литературы открываетъ богатую эпическую почву, создавшую самый блистательный изъ идеаловъ народной поэзіи. Въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и Февроніи сохранился въ

лицѣ Февроніи самый поэтическій типъ
вѣщей дѣвы ткачихи, говорящей загадками

46

и исцѣляющей самыя страшныя болезни, насылаемая сверхъестественными силами. Какъ богатырь Илья, она тоже изъ крестьянскаго званія, дочь бортника-древолазца, и также какъ муромскій богатырь, всегда отличалась благородною правотою и снисходительностью; также какъ онъ, только своими, личными качествами, а не породою, достигла высшихъ почестей, и какъ онъ составляетъ лучшее украшеніе безыскусственнаго эпоса, такъ она эпоса книжнаго, легендарнаго.³

Мы разсмотрѣли одно сказаніе о рожденіи въ Ильѣ богатырской силы. По другому сказанію⁴, Илья наслѣдуетъ силу отъ Святогора, который въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служитъ какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ Торомъ и муромскимъ богатыремъ.

Когда Святогоръ убилъ свою преступную жену, какъ уже было сказано, побратался

съ Ильею, который сталъ меньшимъ братомъ старшаго богатыря. Потомъ Святогоръ выучилъ его всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, однимъ словомъ, сдѣлалъ изъ него настоящаго богатыря, создалъ въ немъ настоящаго Илью Муромца. Оставалось только передать ему въ наслѣдство свою силу, для того чтобы Муромецъ, а не кто другой, при дворѣ князя Владиміра, въ его дружинѣ, заявлялъ въ своемъ характерѣ о могуществѣ родной стороны.

И поѣхалъ вмѣстѣ Святогоръ съ Ильею. Подъѣзжаютъ ко гробу. На гробѣ подпись подписана:

Кому суждено въ гробу лежать,
Тотъ въ немъ и ляжетъ.

Сначала попробовалъ Илья, но гробъ былъ не по немъ: и великъ и широкъ. Легъ Святогоръ: гробъ какъ разъ по немъ. И велѣлъ онъ себя покрыть крышкою; и только что Илья покрылъ его, никакъ уже не могъ поднять крышки: такъ Святогоръ въ гробу и остался.

„Возьми мой мечъ-кладенецъ, говоритъ Святогоръ, и ударь поперекъ крышки." Но Илья не можетъ и поднять меча. Тогда Святогоръ велѣлъ Ильѣ наклониться ко гробу, Илья наклонился: Святогоръ дохнулъ на него изъ маленькой щелочки

47

своимъ богатырскимъ духомъ. И почуялъ Илья, что силы въ немъ прибыло противъ прежняго втрое, поднялъ мечъ кладенецъ и ударилъ имъ поперекъ крышки. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ударилъ, посыпались искры и выросла желѣзная полоса. „Задыхаюсь я во гробѣ!" вопилъ Святогоръ. Илья ударилъ по крышкѣ мечомъ еще разъ, и еще посыпались искры и выросла другая желѣзная полоса. „Задыхаюсь я, меньшей братецъ!" вопилъ Святогоръ: „Наклонись къ щелочкѣ: я дохну еще на тебя, и передамъ тебѣ всю силу великую!" „Будетъ съ меня силы, большой братецъ, отвѣчалъ Илья: не то земля на себѣ носить не станетъ!" И похвалилъ его за то Святогоръ, присовокупивъ: „Я дохнулъ бы на тебя

мертвымъ духомъ, и ты бы легъ мертвъ подлѣ меня. А теперь прощай, владѣй моимъ мечомъ-кладенцомъ, а добраго коня моего привяжи къ моему гробу." Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ. Илья простился съ Святогоромъ, привязалъ ко гробу коня, и, взявъ Святогоровъ мечъ, поѣхалъ на богатырскіе подвиги.

Таковъ эпизодъ о родственномъ отношеніи этихъ двухъ богатырей. Ясно, что Илья прямой наслѣдникъ Святогора, принявшій отъ него силы столько, сколько нужно, чтобы жить на землѣ. Это есть первоначальный, миѳическій источникъ богатырской силы Ильи Муромца. Позднѣйшая эпоха, какъ мы видѣли, подновляетъ миѳъ участіемъ христіанскихъ лицъ, въ темной основѣ которыхъ проглядываетъ титаническій образъ старшаго брата Ильи Муромца, самого Святогора. Нѣтъ сомнѣнія, что въ экономіи первоначальнаго миѳа вовсе не нужно было раздвоять происхожденіе силы муромскаго богатыря, и производить ее изъ двухъ

источниковъ - отъ духа Святогора и отъ
питья по повелѣнію переходящихъ каликъ.

Итакъ, муромскій мужикъ вынесъ на
своихъ могучихъ плечахъ титаническое
величіе и силу первобытной миѳической
старины. Отчего же не сосредоточился онъ
въ своемъ полубожественномъ величіи,
какъ древній Селяниновичъ, и свое родное
крестьянство не вознесъ до миѳической
апотеозы? Что онъ не остался въ своемъ
родномъ Муромѣ? Зачѣмъ онъ не свиль
себѣ своего собственнаго теплаго гнѣзда и
не построилъ роднаго порога, какъ
сооружали себѣ чехо-польскіе герои
Гнѣздо и Прагу? Зачѣмъ не огородилъ онъ
роднаго, имъ самимъ вспаханнаго

48

поля какимъ-нибудь Змѣевымъ Валомъ,
проведши его первою на Руси сохою?
Темная старина даетъ поводъ къ тысячѣ
догадокъ и вопросовъ; и почему бы не
предположить; не приличнее ли было бы
кому-нибудь изъ рода-племени муромскаго
крестьянина ковать первый на Руси плугъ и

провести имъ первую борозду нежели князьямъ Борису и Глѣбу?

Но муромскій крестьянинъ попалъ уже въ водоворотъ новой исторической жизни. Онъ бросаетъ свою наследственную соху и стремится въ дальнія страны на богатырскіе подвиги.

Его влечетъ къ себѣ новое свѣтило, восшедшее на Руси въ лицѣ ласковаго князя Владиміра. Туда, къ Кіеву отовсюду потянули русскія силы воплощенныя въ богатыряхъ цикла Владимірова: Добрыня Никитичъ изъ Рязани, Алеша Поповичъ изъ Ростова, Суровецъ богатырь изъ Суздаля, Дюкъ Степановичъ и Михайло Казарянинъ изъ Волынца Красна Галичья, а за ними и крестьянскій сынъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ изъ Мурома. Это значитъ, что основаніе центровъ княжеской власти на Руси дало новый, рѣшительный толчокъ въ развитіи народнаго эпоса. Богатыри перестаютъ быть непосредственными потомками боговъ и полубоговъ, и, вмѣстѣ съ самостоятельностью, теряютъ и свое высшее миѳическое значеніе, изъ старшихъ

богатырей, то-есть изъ титановъ, переходятъ въ младшихъ, въ обыкновенныхъ смертныхъ, и группируются толпою около историческаго лица, около князя, въ его княженецкой дружинѣ.

Этотъ новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса обозначился въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ, областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя. Стремленіе къ централизующей власти кренился уже въ самомъ сознаніи той первобытной эпохи, которая находитъ себѣ естественное выраженіе въ эпосѣ, еще не знающемъ безконечнаго разнообразія личныхъ интересовъ лирики, и сосредоточивающемъ безразличную массу вѣрованій и обычаевъ къ представительной власти то родоначальника, то жреца, то воеводы, то наконецъ князя. Въ послѣдствіи, гражданское броженіе

и борьба партій, вызванный политическими и философскими идеями, даютъ просторъ лирическому заявленію отдѣльныхъ мнѣній, взглядовъ и стремленій. Но пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую беспомощность, до тѣхъ поръ онъ довольствуется только эпосомъ, который питаетъ въ немъ религиозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему, въ политическомъ устройствѣ, древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями за круглымъ столомъ; Англо-саксы въ лицѣ милостиваго короля Грод-гара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своею преданною дружиною, въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ собирателемъ земли Русской народный эпосъ почитаетъ князя Владиміра, который

также ежедневно пируетъ съ своими богатырями.

Что идеаль этого эпическаго представителя верховной власти составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или по крайней мѣрѣ не зависимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіанство, явствуется изъ того, что русская былина вовсе не помнитъ этого пресловутаго факта, соединеннаго съ именемъ князя Владиміра. Она изображаетъ его далѣе скорѣе язычникомъ нежели тѣмъ равноапостольнымъ княземъ, котораго чествуетъ въ немъ позднѣйшая книжная легенда. Еще современные намъ народные пѣвцы рассказываютъ, что у Владиміра было двѣнадцать женъ, инья отъ живыхъ мужей⁵. Потому то, когда онъ сосваталъ за Алешу Поповича жену Добрыни, бывшаго въ отлучкѣ, и когда Добрыня воротился, то на пиру при всѣхъ говорилъ:

Не дивуюсь я князю Владиміру;

Что и самъ творить, другому велить:

Отъ живаго мужа хочетъ жену отнять.

Изъ всѣхъ историческихъ преданій о Владимірѣ, богатырскій эпосъ хорошо помнитъ только пиры его, о которыхъ повѣствуетъ еще лѣтописецъ Несторъ, какъ бывало

50

пировала дружина у этого ласковаго князя, а какъ однажды подпивши порядкомъ витязи роптали, что ѣдятъ ложками деревянными, а не серебряными. Владиміръ будто бы велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки, сказавъ: „серебромъ и золотомъ дружины не добуду, а дружиною добуду и золота, и серебра." Это извѣстіе, можетъ-быть, заимствовано было лѣтописцемъ уже изъ былинь о княжихъ пирахъ, описаніемъ которыхъ и до сихъ поръ начинается большая часть богатырскихъ пѣсенъ.

Каково бы ни было отношеніе эпическаго Владиміра къ эпохѣ старшихъ богатырей или великановъ и къ миѳическимъ божествамъ древнихъ Славянъ, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія двѣ черты въ его поэтическомъ типѣ, указывающемъ

на его связь съ преданіями незапамятной старины: вопервыхъ, иногда и именно въ стихѣ о Голубиной книгѣ, князь Владиміръ является замѣною великана Волота Волотовича, и вовторыхъ, онъ постоянно въ былинахъ прозывается Краснымъ Солнышкомъ: а постоянный эпитетъ въ народной поэзіи, кромѣ поэтической внѣшней прикрасы, очень часто имѣетъ внутренній смыслъ, опредѣляемый народнымъ вѣрованьемъ. Не смѣнилъ ли собою князь Владиміръ Дажь-бога или Сварога, божество солнца, по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ мифическихъ воззрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ красное солнце до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его, какъ на примѣръ:

Завелся у солнышка почестень пирь

На всѣхъ на князей, на боярь.

Какъ солнце по небу числется, то-есть, играя и свѣтя управляетъ временами года и

освѣщаетъ день; такъ и Владиміръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею Русскою:

Не красное солнце числовалося;
Заводилося пированьице честное у князя
Владиміра⁶.

51

Слово о Полку Игоревѣ, уже не разъ служившее намъ посредникомъ между вѣрованьями темной старины и эпохою историческою, подкрѣпляетъ догадку о происшедшемъ иногда переходѣ чествованья божества солнца на какого то эпического князя, которому имя исторія указала въ ласковомъ князѣ Владимірѣ. Авторъ Слова называетъ героя или воеводу внукомъ бога солнца (внукомъ Дажь бога), какъ бы тѣмъ давая знать своимъ современникамъ XII вѣка, что нѣкогда самое это божество было признаваемо за представителя богатырскихъ доблестей, за источникъ и центръ всякой на землѣ власти.

Народная фантазія, объясняя по своему связь исторіи съ маѳомъ, видѣла въ князѣ Владимірѣ не просвѣтителя Руси христіанствомъ, не церковную личность, а свѣтскую власть, новую историческую силу, въ которой однако еще чуюлось ей обаяніе стараго вѣрованія въ красно солнышко, и потому тѣмъ охотнѣе около этого, нѣкогда миѳическаго, центра собрала она богатырей Русской земли.

Потому ли, что государственное начало, скрѣпленное пришлыми Варягами, охватывало русскую жизнь только снаружи, однѣми внѣшними формами покоренія и налоговъ; потому ли, что князь и дружина, набранная изъ чужаковъ, авантюристовъ, стали особнякомъ отъ низменнаго, кореннаго населенія Руси, какъ бы то ни было, только историческій идеаль самого князя Владиміра въ народномъ эпосѣ мало выработался, не развился разнообразіемъ подвиговъ и очертаній характера, не смотря на то что имя его такъ часто упоминается въ богатырскихъ былинахъ. Ласковый князь только пируетъ съ своими,

богатырями да посылаетъ ихъ на разные подвиги, а самъ не принимаетъ участіе ни въ какой опасности, и сидитъ дома съ супругою Апраксѣвной. Съ особеннымъ удареніемъ эпосъ указываетъ только на двѣ характеристическія черты въ его характерѣ, на его необыкновенную красоту и рѣдкое счастье, такъ что уродиться красотой и счастьемъ въ князя Владиміра, вошло въ поговорку между богатырями⁷.

52

Кажется, въ самыхъ интересахъ народнаго эпоса не имѣлось задачи дать князю Владиміру болѣе яркій и глубокій характеръ. Это оставлялось на долю окружающихъ его богатырямъ и особенно избраннѣйшему изъ нихъ, Ильѣ Муромцу. Для Владиміра достаточно было его княжескаго ореола, которымъ онъ постоянно выступаетъ изъ толпы пирующихъ. Только что онъ вымолвить слово, всѣ съ благоговѣніемъ слушаютъ его: Изъ того стола изъ-за дубова
Не золота, звонка труба вострубила:

Испроговорилъ Владиміръ стольно-кіевскій. Отвѣчаютъ ему съ подобострастіемъ. Часто большой за малаго хоронится, а отъ малаго ему князю и отвѣту нѣтъ.

Если самъ князь мало дѣйствуетъ, за то умѣетъ цѣнить людей и выбирать достойныхъ дѣятелей, которыми окружаетъ свою особу. Это главная его заслуга, и едва ли не самая важная черта, которою эпосъ отличилъ князя Владиміра, какъ собирателя русскихъ силъ. Муромскій богатырь, впервые пріѣхавъ къ князю Владиміру, его спрашиваетъ:

Ужь ты батюшка Володиміръ князь!

Тебѣ надо ль насъ, принимаешь ли

Сильныхъ, могучихъ богатырей,

Тебѣ батюшкѣ на почестъ-хвалу,

Твоему граду смольному на изберець,

А Татаровьямъ на посѣченье? 8

Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:

„Да какъ мнѣ васъ не надо то!

Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю.

На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,

По добру коню, по латынскому,
богатырскому.”

Подарки не послѣднюю роль играли въ приманиваньи богатырей княземъ Владиміромъ. Оттого то онъ и слыветъ Ласковымъ. Илья Муромецъ совѣтуетъ Дюку Степановичу ѣхать къ князю Владиміру, наивно присовокупляя:
Тебя будетъ на поѣздѣ жаловать
Многой безчетной золотой казной⁹.

53

Попавши въ ряды княжеской дружины, муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ уже не идеаль мужика-пахаря, не великанъ-Селяниновичъ, а представитель сельскаго, крестьянскаго сословія при княземъ дворѣ, какъ Добрыня Никитичъ - представитель княжескаго званія, Гришка боярскій сынъ - представитель бояръ, Алеша Поповичъ - церковнаго сословія, Иванъ Гостиный сынъ - представитель купечества, и т. д.

Понятно, что Илья Муромецъ, какъ товарищъ боярскаго сына, поповича или какого-нибудь Васьки Долгополага,

можетъ-быть, дьяка грамотея, есть уже новая эпическая личность, не имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіанскимъ именемъ Ильи Пророка.

Окруженіе князя Владиміра богатырями - представителями областей и разныхъ мѣстностей, каковы: Муромъ, Ростовъ, Рязань, Волынь и т. д. входитъ въ древнѣйшій слой эпическаго содержанія, имѣющаго предметомъ собираніе Русской земли около кievскаго центра. Что же касается до окруженія того же князя богатырями, представителями сословій, то это уже слой значительно позднѣйшій, который долженъ относиться къ той эпохѣ, когда вслѣдствіе государственнаго и церковнаго развитія Руси, изъ общей массы населенія выдѣлились сословія: княжеское, боярское, купеческое, крестьянское, церковное.

Богатырская дружина князя Владиміра уже была въ полномъ составѣ еще до появленія

Ильи Муромца въ Кіевѣ. Ей не доставало крестьянскаго элемента, который долженъ былъ въ нее внести этотъ великій герой, и онъ, какъ главное дѣйствующее лицо драмы, является на сцену послѣ другихъ. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Кіевъ, привезши съ собою Соловья Разбойника, Добрыня Никитичъ говорилъ князю Владиміру:

Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,

Одного не знаю - стараго казака Илью Муромца:

Я слыхалъ наслышкой человѣческой,

Что у него на бою смерть не писана.

Какъ заѣзжій крестьянинъ и человѣкъ при дворѣ неизвѣстный, Илья съ перваго же разу былъ обиженъ на

54

пиру Владиміра низкимъ мѣстомъ. Потому, находя княжескую дружину не по своему вкусу, муромскій крестьянинъ дружится съ простонародьемъ, которое въ былинахъ слыветъ подъ наивнымъ именемъ голи

кабацкой, и пируетъ съ нею въ кабакъ.
Князь и богатыри, страшась его
могущества, не знаютъ какъ къ нему
приступиться. Посылають наконецъ
богатыря княжей породы, вѣжливаго
Добрыню Никитича -

.....грамотой востраго,
На рѣчахъ да разумнаго,
Съ гостями почестливаго.

Добрыня приходитъ въ кабакъ, и не знаетъ
какъ подойти къ Ильѣ:

Спереди зайти - хорошо ли ему
прилюбится?

Да-ко я сзади зайду!

Зашель къ нему сзади, и, схвативъ его за
могучія плечи, говорилъ ему:

Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ!

Сдержи ты свои руки бѣлыя,

Какъ скрѣпи сердце ретивое;

Какъ посла не кують, не вѣшаютъ.

Потомъ принесъ онъ извиненіе отъ имени
самого князя: „Потому онъ садилъ тебя на
нижній конецъ, что не зналъ тебя, кто ты
таковъ, добрый молодецъ!" Муромскій
богатырь смилостивился, и готовъ идти къ

князю Владиміру но только на томъ условіи, чтобы весь народъ принялъ участіе въ общей радости по случаю пріѣзда въ Кіевъ великаго богатыря. „Поди, скажи князю таковы слова, говорилъ Илья Добрынѣ:

Пусть-ко для меня, для молодца,
Разошлетъ указы строгіе,
По всему по городу по Кіеву
И по городу по Чернигову,
Чтобъ отворены были...
Кабаки всѣ и пивоварнія,
На тройи на сутки отворены,
Чтобъ весь народъ пиль да зелено вино;

55

Кто не пьетъ зелена вина,
Тотъ пиль бы пива пьяныя;
Кто не пьетъ пивъ пьяныхъ,
Тотъ пиль бы сладки меды:
Чтобъ знали, что наѣхаль старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Ко славному ко городу Кіеву:
Пусть для меня для молодца,
Заведетъ столованье - почестный пирь.

Итакъ, пиры Владиміра на весь народъ, о которыхъ свидѣтельствуеть Несторъ, по увѣренію вашего эпоса, будто бы даны были въ первый разъ въ честь собственно народнаго героя, самого Ильи Муромца. До тѣхъ поръ князь угощаль будто бы только своихъ подручниковъ.

Наконецъ, герой идетъ къ князю, и весь народъ, князья, бояре и богатыри собираются смотрѣть на него. На княжемъ пиру Илья уже самъ не удостоиль сѣсть на большомъ мѣстѣ, а сядилъ на мѣсто среднее, а возлѣ себя, какъ представитель простонародья, сажаль „голей кабацкихъ.”

Тутъ онъ удивилъ всѣхъ, заявивъ о своей побѣдѣ надъ Соловьемъ Разбойникомъ.

Тутъ-то узнали стараго казака,
Стараго казака Илью Муромца,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ чужимъ-дальнимъ
сторонушкамъ.

Такова превосходная былина о первой поѣздкѣ Ильи Муромца. Открытіе и обнародованіе ея принадлежитъ къ лучшимъ заслугамъ г. Рыбникова, для

историческаго изученія русской народности¹⁰.

Какъ первоначально Муромецъ былъ верховнымъ героемъ русскаго эпоса по своему миѳическому сродству съ божествомъ земледѣлія и крестьянскаго быта; такъ потомъ, въ качествѣ представителя сословія крестьянскаго, онъ пользовался и доселѣ пользуется преимущественною любовью простонародья, которое одно сберегло до сихъ поръ нашъ національный эпосъ. Еслибы высшіе классы народа не были оторваны на Руси отъ родной почвы національнаго эпоса, можетъ быть Илья Муромецъ нашелъ бы себѣ

56

соперника въ какомъ-нибудь идеалѣ боярскомъ или книжескомъ.

Народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы страны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сиды, наша родина - въ крестьянскомъ

сынѣ, завербованномъ въ княжескую дружину.

Съ особенною рѣзкостью выступаетъ сословное различіе богатырей въ былинѣ¹¹, о томъ какъ они, стоя на заставѣ, въ сторожахъ, какъ сторожевая рать, на поляхъ рыцарскихъ, должны были по очереди вступать въ бой съ однимъ великаномъ Жидовиномъ, который былъ такъ громаденъ, что конь его, ударивъ копытомъ въ землю, вышибъ ископытъ величиною въ пол-печи.

Древнѣйшему преданью о борьбѣ съ исполиномъ дается въ былинѣ позднѣйшая сословная обстановка, приправленная даже нѣкоторою ироніей.

Жидовинъ оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣхать черезъ ихъ заставу, будто насмѣяться надъ ними. Атаманомъ на богатырской заставѣ былъ самъ Илья Муромецъ. Стали богатыри думать, кому изъ нихъ ѣхать биться съ Жидовиномъ Нахвальщикомъ. Положили было это дѣло на Ваську Долгополага (полагаютъ, что это дьякъ, грамотей: можетъ-быть, не посадскій

ли челоуѣкъ?). Илья Муромецъ находитъ этотъ выборъ неудачнымъ, характеризуя въ слѣдующихъ словахъ самое сословіе, къ которому принадлежитъ Васька:

Не ладно, ребятушки, положили;

У Васьки полы долгія:

По землѣ ходитъ Васька заплетается;

На бою, на дракѣ заплетется;

Погинетъ Васька по напрасному.

Положили было на Гришку боярскаго сына.

Илья опять не соглашается, не довѣряя боярамъ:

Не ладно, ребятушки, удумали:

Гришка рода боярскаго;

Боярскіе роды хвастливые:

На бою, на дракѣ призахвастается,

Погинетъ Гришка по напрасному.

57

Еще немилосерднѣе отзывается муромскій крестьянинъ о сословіи Алеши Поповича, когда положили было этого послѣдняго послать перевѣдаться въ единоборствѣ съ Жидовиномъ нахвальщикомъ:

Не ладно, ребятушки, положили:

Алешинька рода поповскаго;
Поповскіе глаза завидушіе,
Поповскіе руки загребушія;
Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
Много злата-серебра:
Злату Алеша позавидуеть -
Погинеть Алеша по напрасному.
Итакъ, забраковавъ представителей всѣхъ
сословій, муромскій герой посылаетъ
перевѣдаться съ исполиномъ Добрыню
Никитича. Онъ княжескаго рода и храбрый
богатырь. Выѣхавши въ поле, онъ сталъ
высматривать нахвальщика въ серебряную
трубу. Но когда съѣхался съ великаномъ, и
когда великанъ напустился на него съ
такою силою, что земля всколебалась, изъ
озеръ воды выливались: тогда Добрыня
такъ испугался, что, взмолившись
Богородицѣ о своемъ спасеніи, опрометью
бросился отъ врага на заставу. Пришло
наконецъ ѣхать въ бой самому Ильѣ,
потому что не кѣмъ больше замѣниться.
Муромскій богатырь вступаетъ съ
Жидовиномъ въ страшный бой, который
долго не рѣшается ни въ чью пользу.

**Вдругъ Илья, замахнувшись правою рукою,
поскользнулся на лѣвую ногу, и палъ.
Великанъ тотчасъ же насѣлъ на него, и
хочетъ уже пороть кинжаломъ ему грудь, а
самъ насмѣхаясь приговариваетъ:**

„Старый ты старикъ, старый, матерый!

Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?

Будто не кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?

Ты поставилъ бы себѣ келейку

При той путѣ, при дороженькѣ;

Сбиралъ бы ты, старикъ, въ келейку;

Тутъ бы, старикъ, сытъ-питанень былъ.” -

Лежитъ Илья подъ богатыремъ,

Говоритъ Илья таково слово:

„Да не ладно у святыхъ отцовъ написано,

Не ладно у апостоловъ удумано;

Написано было у святыхъ отцовъ,

Удумано было у апостоловъ:

58

Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому,

-

А теперъ Илья подъ богатыремъ!”

**Конечно, грубо заявляетъ здѣсь Илья о
своемъ православіи - въ какомъ-то**

полухристіянскомъ убѣжденіи, что даже у самихъ апостоловъ гдѣ-то записано, что Ильѣ не быть въ полѣ убитому: но самая мысль и энергическое ея выраженіе, съ оттѣнкомъ ироніи, дышатъ необычайнымъ величіемъ. Это - сверхъестественная вѣщая увѣренность въ своей судьбѣ всѣхъ великихъ людей, которые, не взирая на смертныя опасности, спокойно и неустрашимо идутъ къ своей цѣли.

Такъ случилось и съ муромскимъ богатыремъ. Увѣренность въ себѣ придала ему новая силы. Только что проговорилъ онъ эти слова -

Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:

Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,

Вышибаль выше дерева стоячаго¹²,

Паль нахвальщина на сыру землю.

Илья убилъ его, и отсѣкши ему голову, воткнулъ ее на копье, и повезъ на заставу богатырскую. Богатыри почтительно встрѣчаютъ его. Былина оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи.

Подъѣзжая къ богатырямъ, - какъ бы съ презрѣніемъ -

Илья бросилъ голову о сыру землю;

При своей братьѣ похваляется:

Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ -

Экого чуда не наѣзживаль."

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побоищѣ!

Въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенною любовью лелѣетъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Въ печальной исторіи прекрасной

59

Василисы и ея супруга Данила мы ужъ видѣли, что только одинъ муромскій мужикъ стоитъ за правду, когда другіе богатыри готовы покривить душой въ угоду ласковому князю. Наконецъ онъ является даже врагомъ князю Владиміру и всей его

дружинѣ, такъ что позднѣйшею сословною раздражительностію уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервененіемъ побиваетъ княжескую дружину. Онъ уже не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, поддерживаемому сословною чепорностью барскою.

Этою позднѣйшею чертою въ характерѣ муромскаго богатыря отличается вариантъ¹³ извѣстной уже намъ былины о первой поѣздкѣ богатыря съ родины въ Кіевъ ко двору князя Владиміра.

Когда Илья Муромецъ привезъ въ Кіевъ взятаго имъ въ плѣнъ Соловья Разбойника, князь Владиміръ встрѣчаетъ его надмѣнно: „Здравствуй ты, дѣтина засельщина, говоритъ онъ: ты дѣтина засельщина да деревенщина!“ Ужь и это не понравилось Ильѣ, но онъ совсѣмъ разсердился, когда

князь и дружина не повѣрили, что онъ привезъ такую диковину. „Въ очахъ дѣтина завирается!“ говорили богатыри. „Врешь ты, дѣтина засельщина, да польгаешься, сказалъ ему Владиміръ: - надо мною надъ княземъ насмѣхаешься.“ Чтобъ отмстить всѣмъ имъ, Илья вздумалъ надъ ними пошутить. „Коль не вѣришь, говорилъ онъ князю, посмотри самъ на мою удачу богатырскую.“ Князь и дружина выходятъ на широкій дворъ. Муромецъ велѣлъ Соловью показать свою сверхъестественную силу.

И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долони¹⁴ по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ, да по звѣриному;
Темны лѣсы къ землѣ приклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ
сомутилася,
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,

60

Полетѣло изъ дымолокъ¹⁵ кирпичье
заморское,

Полетѣли изъ оконницъ стекла аглицкія¹⁶.
Князь и бояре и всѣ могучіе богатыри
страшно перепугались, пали на землю и по
двору напоззались; кони со двора
разбѣжались.

И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Съ душой княгиней Апраксѣвной.

Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ
Ивановичъ!

Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна.”

Этою невинною шуткой должно бы и
ограничиться все мщеніе незлобиваго
богатыря. Онъ достигъ своей цѣли, не
нарушивъ величаваго спокойствія своего
характера, и сразу сталъ самымъ
могущественнымъ между всѣми
богатырями. И дѣйствительно, по
древнѣйшей, первоначальной редакціи,
тѣмъ былина и оканчивается¹⁷. Въ
послѣдствіи, народнымъ пѣвцамъ этой
мести показалось мало. Они
воспользовались случаемъ, и свою
собственную ненависть къ барской спѣси и

насилію передали Ильѣ Муромцу, будто возложивъ на него тяжелую обязанность быть мстителемъ за оскорбленіе нравственнаго достоинства народа.

Когда Илья унялъ Соловья-Разбойника, князь пригласилъ муромскаго мужика къ себѣ на пиръ; но и тутъ ему нанесли новую обиду: посадили его по край стола, да еще по край скамьи, то-есть, въ самое послѣднее мѣсто¹⁸.

Раздраженный барской спѣсью княжескаго двора, Илья какъ новый Самсонъ, во время пиршества перебилъ до смерти всѣхъ богатырей и другихъ гостей, такъ что съ тѣхъ поръ, по смыслу этой позднѣйшей былины, должны бы были уже навсегда прекратиться пиры про русскихъ богатырей.

61

Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,

Онъ погнулъ сваи да желѣзныя...

Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ
Ивановичъ,

Поприжалъ онъ ихъ (богатырей) да въ
большой уголь.

Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
„Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
Помѣшалъ ты всѣ мѣста да ученя,
Погнулъ ты у васъ сваи да всѣ желѣзныя;
У меня промежъ каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкнулися.”

То-есть, муромскій мужикъ не только нарушилъ княжескій церемоніаль, но и привелъ въ безпорядокъ всю дружину, даже скомкалъ ее и прижалъ въ уголь. Владиміръ видитъ, что надо наконецъ уступить, и обращается къ Ильѣ съ лестнымъ предложеніемъ, которое могло бы соблазнить барскую спѣсь:

Ты изволь у насъ да попить-поесть,
Ты изволь у нашей милости
Да воеводой жить.

Но муромскій мужикъ на лесть не поддался, съ негодованіемъ восклицаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить не ѣсть!
Не хочу я у васъ воеводой жить!...
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвья,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую

О семи хвостахъ да со проволокой.
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще гостей да покалачивать,
Еще взялъ гостей да поворачивать,
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ;
„На прѣздѣ гостя не употчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали!
Эта ваша мнѣ честь - не въ честь!"
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
До наслѣдья прибилъ да до единого,
Не оставилъ никого да на сѣмена.
Раздраженная былина не пощадила и
самого князя. И его надобно было наказать
злою ироніей. Онъ въ ту пору, въ то
времечко, съ испугу
За печку задвинулся,
Собольей шубкой закинулся.

62

Даже оканчивается былина какъ-то себѣ на
умѣ, чтобы другіе смекали да
оглядывались:

Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ,
Нѣтъ ни вѣсти ни повѣсти
Нынѣ и до вѣку¹⁹.

Наконецъ тѣмъ же сословнымъ протестомъ, доведеннымъ въ этой былинѣ до крайняго раздраженія, объясняется еще позднѣйшее превращеніе муромскаго мужика въ бездомнаго донскаго казака, какимъ изображенъ въ иныхъ былинахъ этотъ народный герой.

Таково внутреннее развитіе этой колоссальной личности, соотвѣтствующее историческому движенію быта и сознанія народнаго. Этой внутренней, существенной метаморфозѣ всенароднаго типа, сначала божества, потомъ полубога, далѣе героя-землепашца, затѣмъ богатыря дружинника и наконецъ представителя сословныхъ интересовъ, - соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ историческихъ событій многихъ вѣковъ, черезъ которые русскій эпосъ проводитъ своего любимаго героя.

То нашъ богатырь вмѣстѣ съ другими своими товарищами охраняетъ родную землю отъ страшныхъ чудовищъ и дикарей-великановъ эпохи первобытной; то является въ рамѣ историческихъ событій: защищаетъ Кіевъ отъ нашествія Татаръ, освобождаетъ

отъ нихъ же Черниговъ стоитъ въ сторожевомъ войскѣ на московской заставѣ²⁰, воюетъ противъ Мамаю на Куликовскомъ полѣ²¹. Точно также изъ одной эпохи въ другую переносится и князь Владиміръ. Онъ въ борьбѣ съ Татарами. Ермакъ ему племянники, или же Ильѣ Муромцу²².

Наконецъ, въ довершеніе національнаго идеала не доставало ему только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, когорого мощи почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ. Въ XVII вѣкѣ, между угодниками кіевопечерскими, печатался гравированный образъ и Ильи Муромца, съ надписью: Преподобный Илія муромскій,

---

63

иже вселися въ пещеру прежде Антонія въ Кіевѣ, идѣже донынѣ нетлѣнень пребываетъ²³.

Впрочемъ, народный эпосъ столько же равнодушенъ къ святымъ остаткамъ своего любимаго героя, какъ и къ

равноапостольному достоинству князя Владиміра. Въ эпическомъ типѣ Муромца много великихъ доблестей идеальнаго героя, но всѣ онѣ объясняются съ точки зрѣнія общихъ законовъ нравственности. Собственно христіанскихъ, а по народному именно православныхъ добродѣтелей, въ этомъ героѣ эпосъ не воспѣваетъ.

Правда, что по инымъ былинамъ встрѣчаются иногда у Ильи и такія, на примѣръ, набожныя побужденія:

Охъ ты гой еси, родимой, милой батюшка!

Дай ты мнѣ свое благословеньцо.

Я поѣду во славной, стольной Кѣевъ градъ

Помолиться чудотворцамъ кѣевскимъ,

Заложиться за князя Володиміра,

Послужить ему вѣрой-правдой,

Постоять за вѣру христьянскую²⁴.

Но такія тирады новѣйшаго издѣлья, какъ общія мѣста пригодныя всякому случаю, ровно не вносятъ ничего новаго въ характеръ нашего героя, напротивъ того, даже противорѣчатъ его поступкамъ, которыя съ точки зрѣнія православной должны казаться святотатствомъ. Такъ

однажды когда князь Владиміръ не пригласилъ Илью къ себѣ на пирь, муромскій православный мужичокъ изъ за этой бездѣлицы такъ разгнѣвался, что натянувъ лукъ,

Стрѣлилъ онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
По божьимъ церквамъ да по чуднымъ крестамъ,

По тымъ маковкамъ золоченымъ²⁵.

Вотъ сколько противорѣчій, несообразностей и анахронизмовъ представляетъ намъ народный эпосъ! Эта неразрѣшимая смѣсь противорѣчій, облеченная въ поэтическіе образы, и проникнутая живымъ организмомъ національныхъ

64

убѣжденій и возрѣвній есть та народная среда, въ которой живутъ и развиваются всѣ идеи и представленія русскаго народа. Прослѣдить тѣ основныя нити, на которыя фантазія въ теченіе столѣтій стройно нанизываетъ всѣ эти противорѣчія и анахронизмы, значило бы подслушать ту

завѣтную тайну, которая теперь только по частямъ, время отъ времени, открывается намъ съ каждымъ вновь найденнымъ эпизодомъ русскаго эпоса.

Впрочемъ, не одна русская народность представляетъ смѣсь противоположностей накопившихся въ жизни вѣками. Всякій историческій народъ заявляетъ эту затѣйливою смѣсью богатство историческихъ результатовъ, вошедшихъ въ сознание. Даже такъ называемая цивилизація, хотя бы въ современную намъ эпоху, представляетъ ту же чудовищную на видъ смѣсь древняго варварства съ новѣйшими успѣхами ума, смѣсь суевѣрій съ философскимъ сомнѣніемъ, аскетизма съ безвѣріемъ, хищнаго эгоизма съ ханжествующею филантропіей.

Но воротимся къ муромскому богатырю. Мы еще не знаемъ какъ русскій эпосъ изображаетъ его кончину. Рожденіе и смерть, два главные пункта въ человѣческой жизни, всегда и вездѣ давали эпической фантазіи богатый матеріаль для творчества. Сверхъ того, самая

таинственность, сопровождающая рожденіе и смерть человѣка, способствовала къ удержанію въ памяти народа слѣдовъ древнѣйшаго мѣа. Человѣкъ становится героемъ уже тогда когда онъ выросъ и заявилъ себя дѣлами: но кто зваеть, гдѣ, отъ кого и при какихъ условіяхъ онъ родился? Кому было до этого дѣло? Только цивилизація дала возможность отвѣчать на эти вопросы удовлетворительно. Безыскусственный эпосъ еще не дошелъ до такихъ тонкостей. Также безызвѣстна оставалась и кончина героя, если только онъ не сложилъ своей головы въ бою, въ виду своихъ товарищей. А если постигла его смерть обыкновеннымъ путемъ, на одрѣ болѣзни, то фантазія народная изъ уваженія къ своему любимцу окружить послѣднія минуты его жизни чудесною таинственностію, которая создаетъ сотни баснословныхъ предположеній, и въ видѣ фактовъ внесетъ ихъ въ былины.

Но прежде нежели взглянемъ на Илью Муромца при его кончинѣ, должно упомянуть объ одномъ эпизодѣ, стоящемъ

65

внѣ той исторической рамы, въ которую мы вставили развитіе эпического типа этого богатыря.

Самая таинственность этого эпизода говорить уже въ пользу его древности, и, можетъ-быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльской и сословной обстановкѣ. Въ основѣ эпизода - загадочная связь его съ вѣщами дѣвами и сверхъестественными титаническими героинями, о чемъ уже была рѣчь прежде. Илья является отцомъ могучаго героя, по другимъ вариантамъ - вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или съ дочерью.

Изъ многихъ вариантовъ этого эпизода ясно видно, что народная фантазія въ сынѣ Ильи Муромца первоначально видѣла страшнаго и могучаго богатыря; потомъ этотъ грозный образъ смягчается идиллическими чертами охотника, согласно съ его именемъ Сокольникъ, усвоеннымъ и древнѣйшею редакціей. Сверхъ того, эпосъ оказываетъ

Ильѣ почетъ, называя его сына
королевичемъ: Збуть Борисъ Королевичъ.
По древнѣйшему варианту²⁶, юный
богатырь, разѣзжая по чисту полю,
На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована, змѣя Горынская.
Послѣдняя черта ясно говоритъ о
необычайности героя.

Ѣздитъ молодець по чисту полю,
Тѣшится утѣхою дворянскою:
Мечетъ острое копьѣ подъ вышину
небесную,
На конѣ подѣзжаетъ и подхватываетъ,
Легко копьемъ поворачиваетъ,
Самъ копьѣю приговариваетъ:
„Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей
Муромцемъ.“

Подѣзжая къ нему, Илья Муромецъ
отвѣчаетъ:

Ой ты гой еси, поленица удалая!
Ты зачѣмъ рано похваляешься?
Не уловя ты птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?

Потомъ вступають въ страшный бой:

66

**Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ.
Сначала дрались оружіемъ, оружіе
поломали, а другъ друга не одолѣли.
Сходили съ коней и хватались плотнымъ
боемъ, рукопашкой:
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По колѣнямъ въ землѣ пріобмялися!
Итакъ, это бой необычайный, бой титановъ,
которые, безъ устали борясь полтора года,
по колѣна погрязли въ землю. Илья
наконецъ, изнемогъ и палъ. Юный врагъ
насѣлъ на его бѣлы груди.
Тутъ Илейко возмолится:
„Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію,
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за
беззамужнихъ женъ, -
Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,**

Онѣ были богомольныя,
День и ночь онѣ Богу молятся!"
Это, кажется, самое сильное мѣсто въ
былинахъ по выраженію христіанскаго
благочестія муромскаго богатыря. Надежда
на молитву вдовъ и сиротъ спасла его:

Не сѣрая утица востопорщится:

Илья на землѣ поворотится;

Металь Сокольника подь вышину
небесную.

Потомъ, поваливъ его и насѣдши ему на
бѣлы груди, сталъ его спрашивать о родѣ-
племени. - „Вотъ кабы я у тебя сидѣлъ на
грудяхъ, отвѣчаетъ побѣжденный: не сталъ
бы долго спрашивать, а спороль бы тебѣ
старому бѣлыя груди." Наконецъ Илья
узнаетъ, что это его сынъ, отъ бабы
Латыгорки, отъ моря Студенаго, отъ камени
Латыря:

Браль его за руку за правую,

Цѣловаль во уста во сахарныя:

„Здравствуй, мое чадо милое!"

И отпустиль его къ матери; по другому
варіанту, Илья заплакаль даже, глядячи на
свое чадо милое.

По однимъ вариантамъ тѣмъ дѣло и
кончилось. По другимъ,

67

оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но
получаетъ отъ него смерть: Муромскій
богатырь разорвалъ его на двое.

По варианту болѣе нѣжному²⁷, разказъ о
встрѣчѣ Ильи съ сыномъ, Збутомъ
королевичемъ, начинается поэтическимъ
предчувствіемъ этого послѣдняго. Еще не
успѣлъ подѣхать Илья, сынъ его уже
распускаетъ свою охоту: отвязываетъ отъ
стремени вожья выжлока (охотничью
собаку), а самъ наказываетъ:

А теперь мнѣ не до тебя пришло;

А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ
лѣсамъ,

И корми ты свою буйну голову.

Отпускалъ и яснаго сокола, а самъ
наказывалъ:

Полети ты, соколь, на сине море,

И корми свою буйну голову;

А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Предчувствіе ли это смертной опасности при видѣ могучаго богатыря? Или скорѣе не предчувствіе ли чего-то великаго и существеннаго въ жизни, что должно, рѣшиться въ роковую минуту этого торжественнаго свиданья отца съ сыномъ, которые другъ друга не узнали?

Затѣмъ идетъ разказъ объ единоборствѣ, но уже въ позднѣйшемъ смягченномъ тонѣ. Древность этого эпизода опредѣляется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ кельтскихъ бардовъ, въ персидской поэмѣ о Ростемѣ и Зурабѣ. Но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о Гильдебрандѣ. Для сличенія сообщаю его по нѣмецкому отрывку VIII столѣтія.

Въ сопровожденіи дружины, возвращаясь домой изъ земли Гунновъ, престарѣлый Гильдебрандъ встрѣчаетъ на пути юнаго витязя, тоже съ дружиною. Это не кто другой, какъ Гудубрандъ, сынъ Гильдебранда, знаменитого Дитрихова

товарища въ битвахъ. Отецъ оставилъ его дома при матери еще младенцемъ. Гудубрандъ, не зная, что встрѣтился съ своимъ отцомъ, вызываетъ его въ бой. Но старикъ уже призналъ въ юномъ героѣ своего сына, и старается отклонить его отъ битвы. Для того онъ разказываетъ ему,

---

68

кто онъ такой и что съ нимъ происходило. Но сынъ не вѣритъ разказу незнакомца. „Померъ мой отецъ Гильдебрандъ, сынъ Герибрандовъ, говоритъ онъ: это разказывали мнѣ корабельщики, заѣзжавшіе къ намъ по морю.“ - Гильдебрандъ даже не щадитъ своей воинской чести, и изъ отеческой любви готовъ уже покориться кичливому герою; онъ снимаетъ съ себя золотой обручъ или гривну, и предлагаетъ своему сыну, только бы примириться съ нимъ. Но и это не помогаетъ. „Копьемъ добывается добыча, говоритъ юный герой: мечъ противъ меча! Вижу - ты старый хитрый Гунъ, меня обманываешь, чтобъ потомъ убить!“ - „О

горе мнѣ! - восклицаетъ въ отчаяніи отецъ: о Боже, всѣмъ управляющій! Что за бѣда такая на насъ! Шестъдесять лѣтъ и зимъ²⁸ воевалъ я на чужой сторонѣ, и вотъ теперь, свое родное, милое дѣтище изрубить меня мечомъ, а можетъ и самъ я буду его убійцею! Ну такъ знай же, что самый подлый трусь во всей Восточной сторонѣ²⁹ былъ бы тотъ, кто теперь отклонилъ бы тебя отъ бою, если ужъ тебѣ того хотѣлось." Затѣмъ слѣдуетъ энергическое описаніе битвы отца съ сыномъ, и именно здѣсь то, на самомъ интересномъ мѣстѣ въ стихотворномъ отрывкѣ VIII столѣтія не достаетъ конца. Впрочемъ, по позднѣйшимъ передѣлкамъ, даже до XV вѣка, извѣстно, что отецъ побѣждаетъ сына, какъ и у насъ Илья -Сокольника, и оба возвращаются домой, гдѣ Гильдебрандъ находитъ такъ долго покинутую имъ супругу, какъ Одиссей свою Пенелопу. Но нашъ Муромецъ, мы видѣли, отдѣленъ отъ своей вѣщей жены миѳическою преградою; потому былина, чтобы развязаться съ далекою стариною, заставляетъ Илью

прервать съ нею всѣ родныя связи, и убить собственнаго своего сына.

Сродство нашего эпизода съ чужеземными, главнѣйшимъ образомъ основывается, вѣроятно, на эпическомъ выраженіи одинаковыхъ условій въ раннемъ развитіи народнаго быта. Это, можетъ-быть, даже сродство общечеловѣческое, по которому родственны Иліада и финская Калевала, оба эпоса, воспѣвающіе народную войну изъ-за красавицы соотвѣтственно римскому сказанію о похищеніи Сабинокъ

69

или славянскіимъ обычаемъ похищать и съ бою брать себѣ женъ.

Именно это-то высокое общечеловѣческое значеніе и даетъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣну готскому эпизоду и родственной съ нимъ русской былинѣ.

Сказаніе это въ Германіи возникло въ самую раннюю эпоху процвѣтанія родоваго быта, возникшаго на семейной почвѣ. Родовое отношеніе рѣзко обозначено даже въ собственныхъ именахъ готскаго эпизода:

дѣдъ - Герибрандъ (Heri-brant) отецъ - Гильдебрандъ (Hilti-brant) и сынъ - Гудубрандъ (Hudhu-brant) тѣсно связаны общимъ, племеннымъ единствомъ, выраженнымъ второю половиною ихъ собственныхъ именъ: brant.

Родовымъ же началомъ объясняется одна изъ самыхъ распространенныхъ эпическихъ формъ въ народной поэзіи, именно: когда, встрѣчаются два лица, то обыкновенно спрашиваютъ другъ друга: не кто ты такой? а чей ты сынъ? какого отца-матери, чьего рода-племени?

Поэтически развивая эти простые обычаи родоваго быта, эпическая фантазія такъ легко могла натолкнуться на интересную встрѣчу самыхъ кровныхъ родственниковъ, отца съ сыномъ, которые не узнаютъ другъ друга, или, что конечно вѣроятнѣе, сынъ не узнаетъ отца, котораго не видалъ съ раннихъ лѣтъ своего младенчества. Въ быту воинскомъ такая встрѣча, конечно, должна повести къ отчаянному, смертному бою, особенно когда сынъ видитъ въ отцѣ хитраго врага, который прикидывается ему

отцомъ, и потому тѣмъ сильнѣе его оскорбляетъ.

Теперь о кончиѣ Ильи Муромца.

Это таинственное событіе, какъ и слѣдовало ожидать, въ народномъ эпосѣ представляется различно. То Илья просто пропадаетъ безъ вѣсти, и слѣдовательно, можетъ-быть, когда-нибудь возродится какъ финская Калевала ждетъ возрожденія Вейнемейнена. То каменѣетъ вмѣстѣ съ другими богатырями, какъ древній титанъ; то, какъ Святогоръ, ложится въ гробъ живой, и, будучи покрытъ крышкою, тамъ остается на вѣки.

Смѣшивая миѡ обь окаменѣнны съ намекомъ о кievскихъ пещерахъ, гдѣ лежатъ мощи Ильи, и приплетая сюда какую-то индѣйскую церковь, одна былина такъ говоритъ о кончинѣ великаго богатыря. Будто онъ вырылъ изъ

70

земли какой-то сундукъ съ сокровищемъ, съ кладомъ, а на сундукѣ подпись:

Кому эвтоть животъ (то-есть богатство) да
достанется,

Тому строить церква Индѣйская,

Да строить тому церква Пещерская.

Туть строиль старъ церкву Индѣйскую,

Да какъ началъ строить церкву Пещерскую,

Тутова старъ и окаменѣль **30**.

Одно преданіе, приводимое г. Далемъ, возводитъ исчезновеніе Ильи Муромца къ той до исторической эпохи, когда покойниковъ спускали въ ладѣ или кораблѣ на воду, какъ спустили трупъ короля Скильда, по разказу въ англосаксонскомъ Беовульфѣ, и когда составились первые зародыши преданій о томъ, что герои по водѣ скрывались въ неизвѣстную страну иного, нездѣшняго міра. Даже полеть души усопшаго по воздуху въ облакахъ также могъ облегчаться переѣздомъ на кораблѣ, потому что самыя облака, по древнѣйшимъ возрѣніямъ индо-европейскимъ, суть не иное что, какъ корабли, плывущіе по воздушному океану. Потому названіе тучи плывущимъ гробомъ въ одной русской

загадкѣ о тучи, громѣ и молніи, можетъ-быть, не одна пустая игра фантазіи: „гробъ плыветъ, мертвецъ реветъ, ладанъ пышетъ, свѣчи горять.“

71

Но вотъ самое преданіе: „Илья на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ въ Окіанѣ-море, в которомъ до того и слыхомъ не слыхать было. Соколѣ-корабль насилу ушелъ отъ сизаго орла: но вѣстей болѣе никакихъ. Куда онъ давался не говорится ни въ сказкахъ о немъ, ни въ пѣсняхъ.“

Итакъ, представитель русскаго богатырскаго эпоса и явился на свѣтъ и исчезаетъ какъ настоящей герой полубогъ. Только дѣйствуя на землѣ, между людьми, онъ долженъ былъ на время снизойдти съ высоты своего божественнаго величія до богатырскаго служенія въ дружинѣ князя Владиміра.

VII.

Муромскій крестьянинъ вывелъ насъ изъ глухихъ захоlustьевъ муромскаго

язычества въ историческую область такъ-называемыхъ младшихъ богатырей, окружающихъ князя Владиміра. Чудовища и великаны, спутники древнихъ боговъ, скрываются по ту сторону завѣсы, отдѣляющей историческую дѣйствительность отъ воображаемой старины. Съ утратою языческаго вѣрованія, миѡъ, какъ бы онъ ни былъ заманчивъ по своему поэтическому содержанію, уже перестаетъ быть выраженіемъ и двигателемъ народнаго сознанія. Онъ только забавляетъ, какъ сказка о какихъ-нибудь несбыточныхъ диковинкахъ, но не внушаетъ къ себѣ довѣрія и уваженія, какими пользуется собственно богатырскій эпосъ, имѣющій предметомъ не боговъ, которымъ уже никто не вѣритъ и никто не поклоняется, а обыкновенныхъ смертныхъ, которые въ идеальныхъ типахъ богатырей становятся настоящими представителями народа, образцами всего что почитаетъ онъ въ себѣ доблестнымъ и достойнымъ всякаго уваженія.

Что же это за новое поколѣніе, въ которомъ народная фантазія нашла, свои высшіе идеалы? Въ чемъ состоятъ ихъ общій характеръ? Въ какомъ смыслѣ и въ какой степени прилично тамъ общее названіе младшіе богатыри или и вообще богатыри, названіе, подъ которымъ, они слывутъ въ народѣ? Не выдвинется ли рельефнѣе изъ общей массы

72

этого новаго поколѣнія, величавая фигура муромскаго героя и не укажетъ ли это общее обозрѣніе новыхъ сторонъ въ характерѣ самого князя Владиміра?

Къ младшимъ богатырямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которые при князѣ Владимірѣ являются представителями мѣстныхъ, провинціальныхъ силъ и сословныхъ интересовъ древней Руси. Эти герои новой, исторической эпохи уже не помнятъ своихъ родственныхъ связей съ миѳическими предками. Можетъ-быть, пользуясь эпическимъ выраженіемъ автора слова XII вѣка, и можно бы ихъ назвать внуками

какого-нибудь Дажьбога, но богатырскій эпосъ называетъ ихъ сыновьями уже обыкновенныхъ смертныхъ, и притомъ такихъ людей, о которыхъ не находятъ нужнымъ распространяться, видя въ нихъ мало интереснаго для своей публики. За то эпосъ съ особенною любовью медлитъ на характеристикѣ матерей младшихъ героевъ, изображая ихъ обыкновенно вдовами. Объ этомъ интересномъ типѣ будетъ рѣчь впереди; а теперь слѣдуетъ только замѣтить, что съ младшими богатырями вступаетъ на поле дѣятельности новое, молодое поколѣніе, имѣющее мало общаго съ своими отцами, которые за незначительными исключеніями уже всѣ powyмерли, оставивъ по себѣ только своихъ вдовъ. Даже отецъ князя Владиміра остается въ русскомъ эпосѣ незамѣченнымъ.

Всѣ эти спутники ласковаго князя стекаются къ нему въ Кіевъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ сожалѣнія покидая свою родину и отпа съ матерью. Прерывая связь съ родною стариною, они становятся даже

ея врагами, поражая и сокрушая ея остатки въ чудовищахъ и великанахъ, съ которыми ведутъ постоянную борьбу. Кто истребляетъ Змія Горынича, кто полонитъ Соловья Разбойника, кто побиваетъ Тугарина, кто великана Шарка, кто Кощея. Только Илья Муромецъ, наиболѣе полный, всесторонній и совершеннѣйшій типъ русскаго богатыря, относится къ старинѣ не съ одною враждой. Онъ, какъ мы видѣли, наслѣдовалъ силу отъ великана Святогора, былъ ему меньшей братъ, и учился отъ него всѣмъ похваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, какъ сѣверные боги учатся премудрости отъ маститыхъ великановъ. Всѣ богатыри князя Владиміра - народъ молодой, безбородый; даже самый эпитетъ молодой, или младъ, постоянно

73

придается Дюку Степановичу, Михаилѣ Казарянину, Чурилѣ Плѣнковичу, Соловью Будиміровичу, но особенно Добрынѣ Никитичу и Алешѣ Поповичу. Эпическій герой, по понятіямъ народа, одаренъ

своими, молодыми силами, потому и называется молодцемъ, добрымъ молодцемъ. Не зрѣлое суждѣніе и опытность руководятъ его дѣйствіями, а удалъ и надежда на удачу; потому онъ удалой, удача-добрый молодець. Обыкновенно являются богатыри при дворца князя Владиміра холостыми, и потомъ уже смышляютъ себѣ невѣсту и женятся. Эпосъ знаетъ ихъ только на первой порѣ ихъ супружеской жизни, еще бездѣтными. Самъ ласковый князь хлопочетъ о ихъ женидѣбѣ и часто сватаетъ, и именно съ тою цѣлью, чтобы не переводился при его дворѣ богатырскій родъ, за который онъ готовъ жертвовать богатою данью съ чужихъ земель, согласно съ Владиміромъ летописи Несторовой, который предпочитаетъ дружину золоту и серебру. Разъ посылаетъ Владиміръ за данью Илью Муромца, Добрыню Никитича и Потока Михайлу Ивановича. Первые двое привезли съ собою груды золота, а послѣдній добылъ себѣ только невѣсту, Марью Лебедь-Бѣлую. Князь остался

больше доволень Потокоть,
присовокупивъ:

Я и тѣхъ-то послалъ, чтобъ женилися,

А они молодцы не догадалися,

Обзарились на злато и серебро.

Въ нашу державу свято-русскую

Пойдутъ сѣмена - плодь богатырскій.

То лучше злата и серебра.

Впрочемъ, сколько ни хлопочеть онъ о
женидьбѣ своихъ богатырей, однако -

Всякой на свѣтѣ женится,

Не всякому женидьба удавается;

Удалась женидьба Дунаю Ивановичу,

Да старому Ставру, сыну Годиновичу,

Да еще молодому Добрынѣ Никитичу.

Алешѣ Поповичу, бабѣму пересмѣшнику,

за его любовныя шашни, женидьба не

удалась, хоть и сваталъ его усердно самъ

князь, о чемъ подробнѣе будетъ рѣчь

впереди. Что касается до Потока Михайлы

Ивановича, то съ наивною важностью

замѣчаетъ былина:

74

Первая женидьба Михайлы неудачна была,

А вторая женидѣба издачная **31**.

Самъ Владиміръ князь такой же безбородый юноша, какъ и его спутники, даже моложе ихъ: „Всѣ вы переженены, говоритъ онъ имъ однажды: только я князь не женатъ, холостъ хожу.“

Потому то при дворѣ Владміра часто играются веселыя свадьбы. Но похоронъ не бываетъ. Всѣ молоды и здоровы, всѣ пируютъ, пьютъ и веселятся.

Илья Муромецъ опять отличается отъ другихъ богатырей. Онъ не только не юноша, но даже сѣдой, матерой богатырь, съ сѣдою бородою; потому что, какъ говоритъ пословица: „Сѣдина въ бороду - умъ въ голову.“ Сѣдина - отличительная примѣта Ильи:

Не бѣлы снежки въ чистымъ полѣ забѣлѣлися:

А забѣлѣлася у него буйная головушка,
Со частой со сѣдой мелкой бородушкой.

Его сынъ Сокольничекъ, не признавая въ немъ своего отца, ругается ему: „Ахъ ты, старый сѣдатый песь! Сидѣль бы въ деревнѣ, свиней бы пасъ!“ Богатырь

Нахвальщина, поваливъ Муромца подъ себя, насмѣшливо приговариваетъ: „старый ты старикъ, старый матерый! Гдѣ тебѣ ѣздить почисту полю? Построилъ бы ты себѣ при дорогѣ келейку и кормился бы милостынею!"³²

Безъ сомнѣнія уже бородатый прибыль Илья ко двору, князя Владиміра, потому что еще дома сидѣма сидѣль тридцать лѣтъ. У него уже есть взрослый сынъ или взрослая, дочь, поленица, съ которыми онъ вступаетъ въ смертный бой. Еще только герои старшей эпохи, какъ Микула Селяниновичъ или Соловей Разбойникъ, имѣютъ у себя взрослыхъ дѣтей.

Илья Муромецъ умнѣе и благоразумнѣе своихъ богатырскихъ товарищей не потому только, что онъ изъ любимаго крестьянскаго сословія, но и потому, что онъ старше ихъ всѣхъ, опытнѣе, больше ихъ жилъ на свѣтѣ, больше видѣль и больше испыталъ. Потому онъ надъ ними начальствуетъ какъ атаманъ, и называетъ ихъ своими „ребятушками."

75

По лѣтамъ они годятся ему въ сыновья. Они опрометчивѣе его даже въ богатырской смѣлости, и не укрѣпившись еще опытомъ въ нравственныхъ понятіяхъ, склонны сдѣлать что-нибудь дурное. Муромскій крестьянинъ умѣряетъ ихъ рьяную запальчивость, обуздываетъ ихъ страсти, иногда возмущается противъ несправедливости и зла, которыя въ нихъ замѣтитъ, впрочемъ вообще снисходительно прощаетъ имъ вину. Обыкновенно обращается онъ съ своими врагами какъ съ малыми детьми: вмѣсто того чтобы раздавить обидчика и распороть ему бѣлую грудь, онъ броситъ его вверхъ да еще на лету подхватитъ. Разгнѣвавшись однажды на князя Владиміра и его богатырей, онъ поприжалъ ихъ налавкѣ богатырской на пиру, и очутился за столомъ противъ самаго князя Владиміра. Это за досаду Алешѣ Поповичу показалось. Взялъ Алеша булатный ножъ и пустилъ имъ въ Илью Муромца. Но Илья отплатилъ забіякѣ только презрѣньемъ: подхватилъ ножъ на

лету и воткнулъ въ дубовый столъ. Онъ даетъ совѣты самому князю Владиміру и предостерегаетъ его отъ безчестнаго дѣла, когда другіе богатыри хотѣли подслужиться князю чужою женою. Какъ истый рыцарь, защищаетъ онъ слабую женщину отъ грубаго насилія. Однажды встрѣчаетъ онъ въ полѣ красную дѣвушку. Она бѣжала отъ насмѣшника Алеши Поповича. „Давно бы ты мнѣ сказала что, говоритъ Илья Муромецъ: я бы съ Алешей перевѣдался, снялъ бы съ него буйну голову^{33!}”

Ничто великое не совершается богатырями безъ участія Муромца. Онъ ведетъ ихъ на враговъ и распредѣляетъ каждому дѣло по силѣ.

Итакъ, хотя съ младшими богатырями выступаетъ на свѣтъ новое, молодое, безбородое поколѣніе; но эпосъ, всегда вѣрный природѣ и историческому теченію жизни, даетъ въ руководство молодой рьяности и отвагѣ благоразуміе и опытность старины, представителемъ которой, во всемъ, что она сберегла лучшаго и достойнаго, является при дворѣ князя

Владимира муромскій крестьянинъ. Дружина княжеская собралась изъ новыхъ элементовъ и новыхъ силъ, но для прочной осадки ихъ необходима была крестьянская основа, не какъ отжившая старина, идущая

76

въ сломку, а какъ неизмѣнный, существенный принципъ, твердо и постоянно пребывающій въ русской жизни. Въ этомъ смыслѣ русскій челоѣкъ сказалъ бы объ Ильѣ Муромцѣ пословицею: „старъ дубъ, да корень свѣжъ.“

Европейскіе народы изпоконъ-вѣку видѣли въ длинныхъ волосахъ низпадающихъ на плечи, и въ осанистой бородѣ, красоту и величіе муромскаго типа, царственный идеаль котораго греческая скульптура создала въ Зевсѣ. Члены благородныхъ тевтонскихъ фамилій, княжескихъ и королевскихъ, отличались длинными волосами, а потому назывались волосатыми, косматыми или кудрявыми (criniti, capillati, comati) - почтенное прозвище, слѣды котораго у Славянъ,

можетъ быть, доселѣ сохранились въ названіи Малорусовъ Хохлами, которые могутъ вести свою генеалогію по прямой линіи отъ длиннаго чуба Святославова. Особенно были въ чести волосатые аристократическіе роды изъ Франковъ, отличавшіеся этою примѣтою и отъ Галловъ, и отъ прочихъ Франковъ. Лангобарды отращали себѣ такіе же чубы, какъ Малорусы. Фризы совершали обрядъ клятвы, касаясь своихъ кудрей. Остричь кому волосы - значило унижить, опозорить, осмѣять, отдать въ рабство.³⁴ Русскій крестьянинъ, находя не пристойнымъ мушинѣ женоподобную роскошь длинныхъ распущенныхъ волосъ, отъ временъ доисторическихъ сохранилъ свою типическую прическу, которая однако даетъ волю виться кудрямъ; потому что „отъ радости кудри выются - въ печали сѣкутся.“ Мушина безъ кудрей - печальное существо, обиженное Богомъ и людьми. Понятно, слѣдовательно, почему богатыри русскаго эпоса характеризуются кудрями. У Добрыни и Алеши были они желтыя, то-

есть, русыя; у князя Владиміра - черныя.
Какъ пожилой челоуѣкъ, пріосаниваясь,
гладить свою бороду, такъ молодой
самодовольно разчесываетъ кудри,
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудри разчесываетъ.

Онъ охорашивается потому что задумаль
жениться. Добрыня, жалуясь на свою
безчастную судьбу, плачется своей матери,
зачѣмъ она родила его силою не сильнаго,

77

богатствомъ не богатаго, кудрями не
кудряваго. Впрочемъ эта жалоба - общее
мѣсто, вставленное въ уста Добрыни, но
собственно къ нему не относящееся. Когда
черезъ двѣнадцать лѣтъ отлучки является
онъ домой, мать его не узнаетъ, принимая
его за голь кабацкую:

У молодаго Добрыни Никитича были кудри
желтыя

Въ три-рядъ кудерка колечками вились
вкругъ верховища:

А у тебя, голь кабацкая, по плечамъ висять.

Добрыня отвѣчаетъ, что его волосы желтые отрослились въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, потому что ихъ не подстригали³⁵.

Но особеннымъ почетомъ пользовалась борода, отличительный признакъ великихъ героевъ западныхъ народныхъ эпосовъ³⁶.

Испанскій Сидъ прозывается: большая борода, красивая борода, полная окладистая борода. Балдуинъ IV фландрскій въ одномъ документѣ 1023 г. названъ честною бородой (*honesta barba*). Въ пѣснѣ о Роландѣ (*Chanson de Roland*) Карль Великій характеризуется цвѣтущею бородой; у него борода сѣдая и такъ же бѣлѣется, какъ у нашего Ильи Муромца.³⁷

По русскимъ понятіямъ, борода разрастается въ довольствѣ и холѣ: „у богатаго мужика борода помеломъ, у бѣднаго клиномъ.“ Отъ сознанія своего достоинства она топырщится: „Благодаря Христа борода не пуста: хоть три волоска, да растопырщившись!“ Обезчестить человѣка то же что обезчестить его бороду.

„Самъ свою бороду оплеваль” говоритъ пословица о заслуженной винѣ. Когда Алеша Поповичъ соблазнилъ одну дѣвицу, ея братья между собою говорятъ:

....Пойдемъ, братецъ, во кузенку,
Мы и сдѣлаемъ по ножу, ссѣкаемъ сестрѣ
голову,

Ссѣкемъ сестрѣ голову: обезчестила
бороду³⁸.

Вцѣпиться кому въ бороду, значитъ нанести величайшую обиду. Потому воины, по западнымъ эпическимъ разказамъ, пускаясь въ отважные подвиги, завязываютъ свои бороды, чтобы не достались онѣ врагу на поруганіе.

78

Такъ всегда поступалъ и Сидъ, когда шель на вѣрную опасность. Когда Франки, какъ поется въ Пѣсни о Роландѣ, пылая местию за Роланда, рѣшились побѣдить или умереть, тогда, забывъ всѣ предосторожности, не успѣли они подвязать себѣ бороды, и бросились на Сарацынѣ, и Сарацыны пришли въ ужасъ, увидавъ

распущенныя бороды. Русскіе мужички, когда порасходятся въ дракѣ, теребять другъ друга за бороду. „Чужую бороду драть - своей не жалѣть," говоритъ пословица. „Не хватай за бороду, кричитъ русскій герой своему врагу: сорвешься - убьешься!"

Въ эпоху эпическую, на западѣ, борода чествовалась такимъ же суевѣрнымъ чествованіемъ, какое воздавали ей наши раскольники въ XVII и XVIII вѣкѣ. Самъ ли расколъ выработалъ это суевѣріе на основаніи книжнаго чтенія, или въ писаніи нашель только подкрѣпленіе своимъ эпическимъ преданіямъ, которыя нѣкогда составляли общее достояніе всѣхъ европейскихъ народовъ, во всякомъ случаѣ раскольничье благоговѣніе къ бородѣ, съ точки зрѣнія исторіи цивилизаціи, стоитъ на одной ступени съ тѣми эпическими возрѣніями и убѣжденіями, которыя заставляли испанскаго Сиды и франкскаго Карла приносить торжественную клятву своею бородой. Эта клятва была такъ

употребительна, что у послѣдняго, героя вошла чуть не въ постоянную поговорку.

Въ русскихъ пословицахъ сохранилось много любопытныхъ данныхъ для сравнительнаго и историческаго изученія этого предмета.

Итакъ, Илья Муромецъ даже по своему внѣшнему типу, съ почтенною, сѣдою бородой, первенствуетъ надъ прочими богатырями цикла Владимірова. Какъ Карль Великій или какъ Сидъ, онъ отмѣченъ маститою бородой, символомъ мудрости, опытности и величія, по наивнымъ взглядамъ эпической старины.

Ко всѣмъ своимъ богатырскимъ товарищамъ относится Илья, какъ представитель старшаго поколѣнія къ младшему. Какъ титанъ Святогоръ выучилъ Илью ухваткамъ и поѣздкамъ богатырскимъ, и назваль его своимъ меньшимъ братомъ, такъ и Илья въ свою очередь училъ тому же богатыря младшаго поколѣнія, Дюка Степановича, и называль его „меньшимъ крестовымъ братцемъ“³⁹.
При дворѣ

79

князя Владиміра, Илья рѣзко отличается эпитетомъ старый отъ другихъ богатырей, которые въ противоположность ему называются молодыми. Такъ Владиміръ подноситъ по чарѣ зелена вина старому казаку Ильѣ Муромцу, молодому Добрынь сыну Никитичу⁴⁰.

Мы видѣли, что муромскій богатырь явился въ Кіевъ къ князю Владиміру, когда уже молодая княжеская дружина была набрана; такъ что муромскій бородачъ очутился среди молодежи, вторая даетъ свой собственный характеръ новой эпохѣ. Хотя эти современники князя Владиміра слывятся богатырями, но, безъ сомнѣнія, это названіе перенесено на нихъ отъ лицъ древнѣйшихъ, титаническихъ; потому что богатырь происходитъ отъ слова богъ, черезъ прилагательное богатъ, и собственно значить существо одаренное высшими, богатырскими преимуществами, какъ герой, произшедшій отъ бога. Только миѳическіе великаны въ родѣ Святогора и Микулы

Селяниновича, въ собственномъ, настоящемъ смыслѣ, могли называться божественными, то-есть, богатырями. Младшее поколѣніе наслѣдовало отъ нихъ это имя уже по преданію и называлось имъ въ эпосѣ по старой привычкѣ.

Итакъ богатырь есть не что иное, какъ собственно русское названіе тѣхъ же существъ, которыя въ сербскомъ эпосѣ слывуть подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ дивовъ⁴¹.

Точно также и слово витязь, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выразить понятіе о героѣ времени князя Владиміра. Слово витязь первоначально означаетъ мудраго и судью. Дѣвы суда, являющіяся въ Судѣ Любуши были выучены вѣщбамъ витезовымъ, то есть, онѣ знали мудрыя изреченія суда и правды⁴².

80

Гораздо точнее выражаетъ мысль о русскомъ героѣ самой ранней исторической эпохи слово поленица, которымъ

называется и воинъ, и героиня, промышляющая богатырскими подвигами. Поленица значить не только разъѣзжающій по полямъ, но и охраняющій ихъ, такъ же какъ въ сербскомъ олово полякъ и полярь употребляются въ смыслъ полевого сторожа (feldwachter, custos agrorum). Слово это, слѣдовательно, образовалось въ быту осѣдломъ, когда племена, усѣвшись на постоянныхъ мѣстахъ, почувствовали потребность охранять свою собственность вооруженною рукой отъ сосѣднихъ хищниковъ. Такъ наши богатыри подъ предводительствомъ Ильи Муромца стоятъ стражею на поляхъ Цыцарскихъ, охраняя границу отъ великана нахвальщины. Такъ какъ поленица и полякъ одного грамматическаго происхожденія, то по русскимъ былинамъ, поляница полякуеть⁴³, то есть, разъѣзжаетъ по полямъ, очищая родную землю отъ враговъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что названіе богатыря поляницею состоитъ въ видимой связи съ собственными именами племенъ: древнихъ

Полянъ, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, и позднѣйшихъ Поляковъ.

Впрочемъ, и этимъ названіемъ не выражается рьяная молодая сила новаго поколѣнія, которымъ русскій эпосъ окружаетъ своего любимаго князя. Идею о юномъ героѣ, представителѣ новаго, лучшаго порядка вещей, о добромъ молодцѣ, полнѣе всего выражаетъ слово юнакъ (то-есть юный, молодой), которымъ Болгары и Сербы называютъ собственно героя: отсюда юнацкія пѣсни, то-есть богатырскія⁴⁴.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ⁴⁵, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ древнѣйшихъ племенъ греческихъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя Іонійское получило свое названіе отъ одного и того же общаго корня съ санскритскимъ Іавана, что значитъ собственно молодой, юный, и родственно съ латинскимъ juvenis (юноша), откуда французское jeune. Наше слово

юнь, юный, сократилось изъ того же древнѣйшаго слова, общаго всѣмъ индоевропейскимъ народамъ. Отъ юнь произошло слово юнакъ, герой. Какъ въ Греціи и отважные, молодые выходцы съ дальняго востока получили названіе Іонянъ, то-есть, молодыхъ, такъ и наши юнаки съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ Славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ же эпическимъ возрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ-называемые отроки и дѣти боярскіе составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Опытная старость судить и рядить на судѣ и на вѣчѣ, молодежь отличается воинскими подвигами: „молодой на битву, а старый на думу“, какъ выражается народъ: „молодость плечами покрѣпче, старость головою.“ Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у Славянъ подъ именемъ пѣсень юнацкихъ, то-есть юношескихъ.

Итакъ, былина повѣствуетъ о молодыхъ силахъ родной земли, впервые развернувшихся на просторѣ. Хотя и называется она у насъ стариною, а у Скандинавовъ даже старухою прабабушкою (Удда); однако содержаніе этой старины свѣжее, молодое. Полный расцвѣтъ свѣжихъ силъ, та срединная пора, которою отдѣляется незрѣлый юноша отъ челоука стараго, вотъ та счастливая, идеальная область, въ которой народная фантазія помѣщаетъ своихъ богатырей. Только поэзія можетъ уловить эту счастливую средину; въ жизни она проходитъ не замѣтно: „Молодо жидко, говоритъ народъ: старо - круто, а, середовая пора однимъ днемъ стоитъ.“ Точно будто этотъ-то блаженный, середовой день русская былина и оглашаетъ веселымъ шумомъ и разгульемъ пировъ князя Владиміра, когда всѣ добрые молодцы только что на возрастѣ. Будто жалѣя разстаться съ этимъ днемъ, она не хочетъ видѣть его сумерекъ, и будто намѣренно медлитъ на полуднѣ:

А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полустолъ -
Такъ поеть она, начиная разказъ о какомъ-
нибудь богатырскомъ подвигѣ.

Согласно юнацкому содержанию
богатырской былины, и

82

народная пословица съ замѣчательнымъ
безпристрастіемъ, умѣетъ остановиться на
средиѣ между уваженіемъ къ старческой
опытности и нѣжною любовью къ
молодымъ годамъ которыя она называетъ
золотою порой. „Тужи по молодости, что
по большой волости," говоритъ она; потому
что „старость - не радость, не красные
дни", „старость съ добромъ не приходитъ,"
„старость - неволя." Молодость - это пора
дѣятельности, руководимой опытомъ
старины: „молодой работаетъ, старый - умъ
даетъ." Потому: „Чѣмъ старѣе, тѣмъ
правѣе, а чѣмъ моложе, тѣмъ дороже."
Даже самыя заблужденія молодости народъ
снисходительно извиняетъ, какъ дѣло
преходящее: „Молодость не грѣхъ"

говорить онъ: молодой умъ, что молодая брага," то-есть, въ тревожномъ броженіи: но это не бѣда, потому что „молодое пиво уходится" „молодой квасъ - и тотъ играетъ" „молодь перебѣсится, старь не перемѣнится". Отдавая предпочтеніе молодости передъ старостью въ свѣжести силъ и бодрой дѣятельности, народъ остается при томъ убѣжденіи, что и въ старости можно сохранить душевную свѣжесть: „Самъ старь, да душа молода," говоритъ онъ пословицею о такихъ счастливыхъ личностяхъ, образецъ которыхъ русская былина начертала въ величавомъ типѣ муромскаго богатыря: „дѣтинка съ сѣдинкой вездѣ пригодится." Историческое движеніе въ раскрытіи народнаго эпоса обнаружилось замѣною одряхлѣвшей старины новымъ поколѣніемъ, свѣжесть котораго наивная фантазія символически характеризуетъ нестарѣющею юностью созданныхъ ею типовъ. Эту идею съ замѣчательнымъ художественнымъ тактомъ выразила греческая скульптура въ юношескихъ идеалахъ опимпійскихъ

божествъ, которыя постоянно черпаютъ свѣжія силы въ напитокъ безсмертія и молодости. Русская былина остается при томъ же наивномъ убѣжденіи, что ея богатыри никогда не состарятся: „Молодецъ на конѣ сидитъ - самъ не старѣетъ," говоритъ она о своихъ любимцахъ⁴⁶.

Только народы закоснѣвшіе безъ историческаго движенія останавливаются въ своемъ эпосѣ на миѳическихъ

83

страшилахъ и титанахъ, какъ Финны въ своей Калевалѣ, и не умѣютъ спуститься до симпатическихъ личностей, вполне человѣческихъ. Племена нѣмецкія и славянскія уже въ раннихъ проявленіяхъ эпическаго народнаго творчества успѣли ступить твердою ногою на историческое поле. Даже космогоническій эпосъ скандинавскій строить весь міръ уже изъ титаническихъ развалинъ страшнаго великана Имира, и среди вселенной водружаетъ великое древо историческаго

развитія (Иггдразиль), орошаемое источникомъ прошедшаго, и въ своемъ колоссальномъ ростѣ достигающее до Валгалы, предоставленной въ жилище душамъ совершеннѣйшихъ изъ смертныхъ. Уже пѣсня Древней Эдды, подъ названіемъ Rigsmal, даетъ предпочтеніе новому историческому поколѣнію передъ миѳической стариною, остановившеюся въ своемъ одностороннемъ тяготѣніи назадъ. Только отъ младшихъ членовъ рода-племени производитъ она трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и свободныхъ воиновъ, тогда какъ отъ прадедовъ и прабабокъ рождались только жалкія существа, ставшія рабами тѣхъ, которые народились уже отъ дѣдовъ и отцовъ. Такъ и у насъ чудовищный Соловей Разбойникъ попалъ въ плѣнъ къ Ильѣ Муромцу и сталъ его слугою, то-есть, рабомъ. Наши богатыри время князя Владиміра, какъ замѣчено выше, истребляютъ все ужасное и зловерное для человѣческаго общества, очищая лицо Русской земли отъ страшилищъ миѳической старины.

Древнія чудовища, какъ тотъ великанъ, котораго Илья Муромецъ видѣлъ лежащимъ на горѣ, обладали непомѣрною, разрушительною силою; потому сама земля не могла ихъ сдержать, и рано ли поздно ли должны были они погибнуть. Соловей Разбойникъ, будучи въ плѣну, просить князя Владиміра и Илью, чтобъ они пустили его на волю;

Я повыстрою вокругъ города Кіева

Села съ приселечками,

Улки съ переулками,

Города съ пригородками.

„Не строитель онъ вѣковой, а разоритель, говоритъ о Соловѣ муромскій герой, какъ бы въ томъ убѣжденіи,

---

84

что отъ этого титаническаго поколѣнія нельзя ожидать ничего зиждительнаго⁴⁷.

Въ противоположность кровожаднымъ инстинктамъ грубыхъ временъ, богатыри младшіе не охотно проливаютъ кровь въ бою со врагами. Богатырскіе подвиги, неразлучные съ разнаго рода

жестокостями, оставляють по себѣ въ душѣ ихъ что-то горькое, тоскливое. Какою напрімѣръ нѣжною меланхоліею, какимъ глубокимъ человѣколюбіемъ дышитъ слѣдующая жалоба Добрыни Никитича на суровое назначеніе доставшееся на долю эпическому богатырю!

Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
Ты на что меня Добрынюшку несчастнаго
спородила?

Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня
камешкомъ,

Завернула въ тонкой въ льняной во
рукавичекъ,

Спустила бы меня во сине море:

Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,

Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,

Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,

Не пролилъ бы крови я напрасныя,

Не слезилъ Добрыня отцевъ-матерей,

Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,

Не пускалъ сиротатъ малыхъ дѣтушекъ.⁴⁸

Хотя въ былинахъ эта трогательная
человѣколюбивая жалоба на суровую

судьбу богатыря обыкновенно влагается въ уста Добрыни, но она столько же относится ко всѣмъ его современникамъ. Это благородный голосъ любви къ ближнему, который невольно слышится среди воинскаго шума и гама; это слѣдъ новой, лучшей эпохи, смягченной историческимъ развитіемъ быта и нравовъ. Даже въ пылу отчаянной битвы богатырь вспоминаетъ о жестокихъ слѣдствіяхъ убійства: ему представляются вдовы и сироты убиваемыхъ имъ враговъ. Когда Добрыня задумалъ высвободиться изъ оковъ, въ которыя заковали его невѣрные супостаты, какая-то „сила невѣрная и поганая“, и всѣхъ ихъ рѣшился перебить, - тогда говорить имъ:

Дайте мнѣ немного поодуматься:

Есть ли у васъ отцы-матери,

Молоды жены, малы дѣтушки?

Есть ли кому по васъ плакати?

Потомъ сорвавъ съ себя тяжелые кандалы,
началь ими помахивать во всѣ стороны и
побиль ими всю поганую силу.⁴⁹

Не такъ горюють старшіе богатыри, титаны
прежней эпохи, отжившіе уже свой вѣкъ.
Они заботятся только о себѣ и оплакивають
свое сокрушенное могущество. Вотъ какъ
жалуется Шаркъ Великанъ на истребленіе
титаническихъ силъ, падшихъ въ борьбѣ съ
поколѣніемъ новымъ:

Ой мать сыра земля, разступися,
Небеса вы синія, раздайтеся,
Облака-тучи во-едину не скопляйтеся!
Тошнехонько богатырской силѣ
приходится,
Круто ему люто горе приключается:
Горемычно стало Шарку-великану свою
жизнь коротати,
Свою буйну голову по сырой землѣ таскати,
А вотъ первое-то горе - палъ его могучій
конь;
А второе-то горе - изломался его тяжелый
мечъ,
А третье-то горе - обуяла имъ страсть
побѣдная,

Приглянулась ему Марья, Лебедь Бѣлая.⁵⁰
Даже къ своимъ заклятымъ врагамъ, къ порожденю древнихъ чудовищъ, имѣютъ состраданіе богатыри временъ Владиміра, и особенно ихъ представитель, великій муромскій герой. Его свѣтлый типъ по преимуществу служить намъ мѣриломъ тѣхъ нравственныхъ успѣховъ, которые оказались возможными на исторической почвѣ русской жизни. Если не всѣ окружающіе его такъ же поступаютъ какъ онъ, за то всѣ ему сочувствуютъ, или по крайней мѣрѣ подчиняются его благотворному вліянію.

Дѣти Соловья-Разбойника, по приказанію Ильи, привезли на телѣгахъ въ Кіевъ богатый выкупъ за своего отца, но уже было поздно; Соловья ужь не застали въ живыхъ. Солнышко Владиміръ князь обзарился было на имѣнье-богатство, но муромскій крестьянинъ пристыдилъ его своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ:

Ай же, Солнышко Владиміръ князь!

Не тобой они приказаны

И не тобой назадъ отпустятся!

Ай же, милы вьюноши⁵¹ Соловьиныи!

86

Катите все имѣнье богатство,
Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вамъ отъ батюшки:
Будеть пропитатися до смерти!
Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!
Ни за кого столько не стоитъ Илья
Муромецъ какъ за бѣдствующее
человѣчество, которое былина
подразумѣваетъ подъ именемъ вдовъ и
сиротъ. Однажды, прося Илью заступиться
за городъ Кіевъ:
Биль челомъ Владиміръ до сырой земли:
„Ужь ты здравствуй, старъ казакъ, Илья
Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіанскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей"⁵².
Согласно былинѣ, пословица говоритъ: „не
строй церкви, пристрой сироту.“

Былина до очевидности развиваетъ ту мысль, что мелкій разчетъ и корысть не совмѣстны съ богатырскимъ могуществомъ, неистоимымъ въ средствахъ, которыми можетъ располагать. Однажды разбойники, покоряясь великой силѣ муромскаго героя, предлагаютъ ему свое золото, цвѣтное платье и коней. Отвѣтъ Ильи Муромца на ихъ предложеніе, въ своей гомерической простотѣ, поражаетъ болѣе нежели царственнымъ величіемъ:

Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
За мной бы рыли ямы глубокія;
Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
За мной бы были горы высокія;
Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
За мной бы гоняли табуны великіе.

Разбойники давали ему на себя рукописанье въ холопство вѣковѣчное. Но богатырю кромѣ славы ничего не нужно. „Поѣзжайте, братцы разбойники, отъ меня въ чисто поле;” говоритъ онъ имъ:

Про старого казака Илью Муромца.
Въ другой разъ, разбивъ войско трехъ
царевичей, осаждавшихъ Черниговъ, нашъ
герой, въ простотѣ сердца, милостиво и
величаво говоритъ имъ:

Охъ, вы гой есте мои три царевича!

Во полонъ ли мнѣ васъ взять,

Аль съ васъ буйны головы снять?

Какъ въ полонъ мнѣ васъ взять -

У меня дороги заѣзжія и хлѣбы завозные;

А какъ головы снять - царски сѣмины
погубить.

Вы поѣдьте по своимъ мѣстамъ,

Вы чините вездѣ такову славу,

Что святая Русь не пуста стоитъ,

На святой Руси есть сильны, могучи
богатыри⁵³.

Богатырь не знаетъ никакого званія выше
своего; онъ не промѣняетъ его ни на какія
почести. Однажды Илья Муромецъ
освободилъ городъ Смолягинъ отъ Татаръ;
мужики смолягинскіе предлагаютъ ему быть
у нихъ воеводою. Богатырь съ презрѣніемъ
имъ отвѣчаетъ:

Не дай Господи дѣлати съ барина холопа,

Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
А также изъ богатыря воеводу!⁵⁴
Главная служба богатырей состоитъ въ
охраненіи Кіева отъ враговъ:
А много въ Кіевѣ богатырей,
Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ.
Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:
Первая застава сѣры волки,
Другая застава змѣи лютыя,
Третья застава стоитъ двѣнадцать
богатырей⁵⁵.
Князь Владимірь, какъ могущественный
государь, держитъ въ подданствѣ и
Золотую Орду, и Цареградъ, а разныя
земли заморскія. Дань съ покоренныхъ
народовъ поручаетъ собирать богатырямъ.

88

Сверхъ воинскихъ подвиговъ и охоты,
богатыри несли службу придворную въ
разныхъ званіяхъ; впрочемъ не всѣ.
Особенно не любилъ служить при дворѣ
Илья Муромецъ. Эта легкая служба была

ему не по плечу. Кажется, больше другихъ отличался при дворѣ Добрыня:

По три году Добрынюшка стольничаль,

По три году Добрынюшка чашничаль,

По три году Добрыня у воротъ стояль.

Сверхъ того, онъ пословничаль, то-есть, служиль въ княжихъ послахъ.⁵⁶

Чурила Пленковичъ служиль у князя въ постельникахъ и позовщикахъ, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Болѣе достойное назначеніе получаютъ богатыри въ княженецкой думѣ. Князь Владиміръ вообще очень мало заботится о народѣ. Судъ и управленіе остаются въ богатырскомъ эпосѣ на заднемъ планѣ. Если князь судить и рядить и собираетъ думу, то больше ради своихъ личныхъ, домашнихъ интересовъ. На такую-то думу приглашаются и богатыри. Такъ, безъ сомнѣнія, они, подъ именемъ князей и думныхъ боярь, были собраны на крѣпкую думу о томъ, выдавать ли замужъ княжескую племянницу Запаву или Любаву Путятичну за нѣкотораго посла.⁵⁷

Впрочемъ и княженецкіе нескончаемые пиры съ похвалбою молодецкою, и придворная служба съ охотою и разными потѣхами, и семейная жизнь, и мирныя занятія домашняго быта, все это только преходящая, минутная обстановка богатырскаго житья бытья. Война, кровавые подвиги, отдаленныя странствія, сопряженныя съ тысячами опасностей, вотъ элементъ, въ которомъ богатырь чувствуетъ себя на просторѣ. Веселые пиры и свадьбы, время отъ времени, смягчаютъ привѣтливымъ свѣтомъ эту мрачную картину, въ которой одна жестокость смѣняется другою: и только чувство челоѣколюбія, иногда пробуждающееся въ душѣ богатыря, служитъ надежною порукою, что не крайнее варварство воспѣвается въ богатырскомъ эпосѣ, а раннее броженіе зиждательныхъ силъ,

---

89

впервые опознавшихъ на историческомъ поприщѣ. Правда, нашъ эпосъ далеко уступаетъ скандинавскому въ мрачныхъ

краскахъ кровожадной эпохи, онъ не доводитъ жестокости до изступленія; однако имѣеть тѣ же элементы, вызванные тѣми же явленіями жизни, такъ что грозныя картины безчеловѣчныхъ битвъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ находятъ себѣ соотвѣтствіе въ устныхъ былинахъ, которыя и доселѣ не перестаютъ внушать русскому народу богатырскую отвагу къ воинскимъ подвигамъ, не разлучнымъ съ жестокостью эпической старины.

Русскій богатырь, поваливъ врага наземь, не вдругъ убиваетъ его, а тѣшится и издѣвается надъ нимъ, спарываетъ кинжаломъ его бѣлыя груди, иногда вынимаетъ печень съ сердцемъ, потомъ ужъ отрубить по плеча буйную голову и воткнетъ ее, какъ воинскій трофей, на копье. Самъ Илья Муромецъ, отличающійся отъ прочихъ богатырей милосердіемъ, способенъ на страшныя жестокости, отъ которыхъ сердце сжимается. Вотъ, на примѣръ, какъ онъ поступаетъ съ своимъ роднымъ сыномъ, Сокольниковъ:

Ударилъ Сокольника въ бѣлы груди
И вышибъ выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго;
Упадалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котельъ;
Высочетъ Илья изъ бѣла шатра,
Хватилъ за ногу, на другу наступилъ,
На полы Сокольника разорвалъ.
Половину бросилъ въ Сахатаръ рѣку,
А другую оставилъ на своей сторонѣ:
„Вотъ тебѣ половинка, мнѣ другая:
Раздѣлилъ я Сокольника, охотничка!"
По другому варианту, еще жесточе казнить
онъ свою дочь. Тоже разорвалъ ее надвое.
Одну половину рубилъ на мелкіе куски,
бросалъ по раздольицу по чисту полю,
кормилъ этою половиною сѣрыхъ волковъ;
и другую половину рубилъ на мелкіе куски,
бросалъ по раздольицу чисту полю,
кормилъ черныхъ вороновъ.
Такія вовсе не нужныя жестокости,
объясняемая варварствомъ, которое
тѣшится кровожадною удалью, вполне
соотвѣтствуютъ мрачнымъ воззрѣніямъ
пѣсенъ древней

90

Эдды, которая вмѣсто воевать, сражаться иногда употребляетъ эпическую форму: кормить трупами лютыхъ звѣрей и хищныхъ птицъ.⁵⁸

Впрочемъ это явленіе въ исторіи поэзіи самое естественное. Фантазія набирала для богатырскаго эпоса очерки и краски на поляхъ битвы, она тѣшилась молодецкими подвигами, какъ бы кровавы ни казались они теперь мирному гражданину; она подмѣчала мельчайшія, быстрыя движенія въ кровавыхъ схваткахъ; съ этими, грубыми образами она соединяла для себя наслажденіе свободнаго творчества, и въ плавномъ широкомъ стихѣ потѣшала другихъ тѣмъ, въ чемъ находила для себя утѣху.

Безчеловѣчное убійство съ кровавыми подробностями - это данный конецъ, къ которому фантазія ведетъ цѣлый рядъ моментовъ въ тщательномъ, мелочномъ описаніи битвы. Не двѣ грозныя тучи, не двѣ горы сдвигаются вмѣстѣ: съѣзжаются

два богатыря въ чистомъ полѣ. Первымъ боемъ ударилися палицами желѣзными, тѣмъ боемъ другъ друга не ранили: палицы въ щепы поломалися. Кололися копьями мурзавецкими, - копьѣ въ цѣвки поломалися. Хваталися они за тяги желѣзныя, тянулись черезъ гривы лошадиныя, - другъ друга не перетянули. Потомъ сходили съ коней, хватилися плотнымъ боемъ, рукопашкою, водилися они не мало времени и т. д. Такъ сражался Илья съ своимъ сыномъ. А вотъ Шаркъ великанъ нападаетъ, на Дюка Степановича, вытягиваетъ свой булатный мечъ, со свистомъ размахиваетъ ударилъ о мечъ сорокапудовой Дюка Степановича; разъ ударились - искры валять, въ другой разъ - стонъ пошелъ: оба меча въ черенья рассыпалися, изъ виду улетывали. Осерчалъ Шаркъ богатырь, руками могучими понатужился, въ бѣлую грудь Дюку уперся, инда косточки хряснули, - тяжело вздохнулъ Дюкъ Степановичъ. Тутъ руками они сплеталися, колѣнями другъ въ друга упиралися; горячая кровь ручьемъ

течетъ изъ глубокихъ ранъ; силушки ихъ надрываются. Или: не двѣ горы вмѣстѣ скатаются, то Тугаринъ съ Алешей съѣзжались, палицами ударились - палицы по цѣвьямъ поломались, копьями соткнулись

91

- копы по цѣвьямъ извернулись, саблями махнулись - сабли исцербились. Алеша Поповичъ валился съ сѣдла, какъ овсяный снопъ; Тугаринъ Змѣевичъ учаль бить Алешу Поповича, а тотъ ли Алеша увертливъ былъ, увернулся Алеша подъ конное черево, съ другой стороны вывернулся изъ-подъ черева и ударилъ Тугарина булатнымъ ножомъ подъ правую пазуху, спихнулъ Тугарина съ добра коня, и учаль кричать Тугарину: „Спасибо тебѣ, Тугаринъ Змѣевичъ, за булатный ножъ; распорю я тебѣ груди бѣлыя, застелю я твои очи ясныя, засмотрю я твоего ретива сердца!“ Отрубилъ ему Алеша буйну голову и повезъ онъ буйну голову ко князю Владиміру; ѣдетъ да головушкой

поигрываетъ, высоко головушку
выметываетъ, на востро копье головушку
подхватываетъ. Надобно было свыкнуться,
сжитья съ этими ужасами, надобно было
войдти во вкусъ этихъ кровавыхъ сценъ,
чтобы съ такою игривостью на нихъ
медлить. Фантазія вполнѣ сочувствуетъ
суровому быту и заявляетъ свое сочувствіе
легкимъ, артистическимъ
воспроизведеніемъ его. Вотъ на примѣръ,
какъ Бермята убиваетъ Чурилу Пленовича,
заставъ его съ своею женою:
Не свѣтъ зорюшка просвѣтилась:
Востра сабля промахнулась;
Не скатная жемчужинка катается
А Чурилова головка катается
По той-то середи кирпичныя;
Не бѣлый горохъ разсыпается;
Чурилина-то кровь разливается.
О смертельной ранѣ, чудовищно
обезображивающей человѣка, богатырь
говоритъ слегка, какъ о дѣлѣ самомъ
обыкновенномъ, и внимательно медлитъ на
подробномъ ея описаніи. Богатыри хотятъ,
чтобъ Соловей разбойникъ показалъ себя

свистомъ, визгомъ и крикомъ. „Дайте ему
сначала освѣжиться зеленымъ виномъ,
говорить муромскій богатырь: а то,
Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею:
Стрѣлень у меня во правый глазъ,
Вышла стрѣла во лѣво ухо⁵⁹.

92

Самые ранніе походы на Руси совершались на ладьяхъ по рѣкамъ. Пришлые Варяги были отличные корабельщики. Плавая по рѣкамъ, они вытаскивали лодки изъ воды и переволакивали на себѣ, гдѣ было нужно. По лѣтописной сказкѣ, даже подъ Цареградъ они подкатились на судахъ, подъ которыя поставили колеса. Въ новгородскихъ былинахъ, уже соотвѣтственно позднѣйшему историческому быту, гости корабельщики предпринимаютъ по водѣ отдаленныя странствія: они торгуютъ или ѣдутъ въ Іерусалимъ поклониться гробу Господню. Но въ былинахъ, доселѣ изданныхъ, мало слѣдовъ древнѣйшаго варяжскаго обычая

совершать воинскіе походы по рѣкамъ и морямъ. Можетъ-быть, былина о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранила нѣкоторые отголоски этой ранней поры. Хотя онъ называется гостемъ, то-есть, торговымъ человѣкомъ, но, какъ норманскій пиратъ, имѣлъ онъ подъ рукою цѣлую дружину. Соловей Будиміровичъ на своихъ корабляхъ съ моря синяго подплываетъ къ Кіеву и подноситъ богатые заморскіе дары князю Владиміру и его княгинѣ. Подробное эпическое описаніе корабля Соловья Будиміровича отзывается тою далекою эпохою, когда творческая фантазія находила себѣ пищу въ быту воинственныхъ корабельщиковъ. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи корабля изображая его какимъ-то чудовищемъ. вмѣсто очей было у него вставлено по дорогому камню, по яхонту, вмѣсто бровей было прибито по черному соболу, вмѣсто усовъ было воткнуто два острыхъ ножа булатныхъ, вмѣсто ушей было воткнуто два острыхъ копья, и на нихъ два горноста я повѣшены; вмѣсто

гривы было прибито двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста повышено два медвѣдя бѣлыхъ, заморскихъ. Носъ и корма по туриному, а бока взведены по звѣриному. 60
Можетъ быть, современемъ найдутся былины и сказанія, которыя дадутъ новый матеріаль для характеристики этого древняго быта корабельщиковъ; но, сколько можно судить по изданному теперь, надобно, кажется, признать за историческій фактъ, что въ обиходѣ богатырскаго эпоса цикла Владимірова корабль уже потерялъ всякое значеніе. Изъ

93

этого можно заключить, что или вообще не значительно было вліяніе мореходныхъ, заморскихъ Варяговъ на русскій богатырскій эпосъ, или это вліяніе изгладилось въ теченіе вѣковъ, не находя себѣ поддержки въ условіяхъ земледѣльческаго быта племенъ, расселившихся по необозримымъ равнинамъ.

Какъ бы то ни было, только вовсе не корабль, а конь играетъ главную роль въ жизни русскаго богатыря. И доселѣ о новорожденномъ сынѣ говорится въ народѣ поговоркою: „Дай Богъ вспоить, вскормить, на коня посадить.“ Кони младшихъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Дюка Степановича и Чурилы Пленковича, были дѣти знаменитой кобылы Микулы Селяниновича, Обнеси голова или Подыми голова. Конь Дюка говоритъ своему хозяину:

Не уступлю я братьямъ большимъ,
А не столько что братцу меньшему:
Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
А середній братъ у Добрыни Никитича,
А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертый ужъ братъ у Чурилы
Опленкова.

Онъ хвалится своими лошадиными крыльями, которые позднѣйшая былина называетъ подложными. Эти крылья, вѣроятно, такъ же какъ у коня сербскаго Момчилы, были невидимы, и показывались только въ извѣстное время. Надобно

полагать, что и другія дѣти кобылки Обнеси голова были тоже крылатыя. Бурый конь Дюка много лѣтъ стоялъ въ конюшнѣ безъ употребленія, такъ что по колѣна въ землю заросъ. Жеребенокъ отъ кобылы Отнеси голова, вѣроятно, попалъ къ корачаровскому дьячку, иначе просто къ сосѣду, у котораго купилъ его Илья Муромецъ. Жеребенокъ былъ шелудивый. Илья вывалялъ его въ росѣ на тридевяти утреникахъ, и вывалялся жеребенокъ богатырскимъ конемъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу, пьетъ одну росу утреннюю. Чтобы не страшно было сидѣть на конѣ, когда онъ скачетъ съ горы на гору, рѣки и озера перескакиваетъ, широкія раздолья межъ горъ пушаетъ, богатырь беретъ земли сыро-матерой и подвязываетъ подъ плечи.

94

Кромѣ этихъ коней, славились и другіе. Одного полонилъ Илья Муромецъ у Тугарина Змѣевича. У Ивана Гостиного

Сына тоже знаменитый былъ конь,
бурушка-каурушка.

Трехъ годковъ жеребушечка:

Маленькій, косматенькій,

Глазочки какъ яблочки,

Копытечки по рѣшетечку,

Гривушка семи саженьковъ,

Хвостикъ семидесять.

Этотъ конь былъ необычайный. Когда
Иванъ, надѣвъ дорогую шубу, вывелъ его
на дворъ у князя Владиміра -

Сталь его бурко передомъ ходить,

И копытами онъ за шубу посапывати,

И по черному соболю выхватывати,

Онъ на всѣ стороны побрасывати!..

Звявкаетъ Бурко по туриному,

Онъ шипъ пустиль по змѣиному,

Триста жеребцовъ испугалися,

Съ княженецкаго двора разбѣжались.

Богатырь бесѣдуетъ съ своимъ конемъ,
какъ съ товарищемъ, и конь отвѣчаетъ ему
человѣческимъ голосомъ; онъ даже имѣетъ
вѣщую силу, чуетъ бѣду и предупреждаетъ
своего хозяина. Но главное достоинство
коня - необычайная быстрота. Какъ въ

Словѣ о Полку Игоревѣ князь Всеславъ полоцкій прославляется своею быстрою ѣздой; такъ и богатыри между заутреней и обѣдней проѣзжаютъ огромныя пространства. „Стояль я заутреню въ Муромѣ, говоритъ Илья, а къ обѣднѣ поспѣль въ стольный Кіевъ градъ”.

Бдучи по чисту полю, богатырь всегда подмѣчаетъ лошадиныя слѣды, или для того чтобы не попасться въ расплохъ, или чтобы наслѣдить врага:

Поѣхаль онъ по раздолью чисту полю,
Наѣхаль слѣдъ лошадиный:

Впереди его проѣхано у богатыря,

У лошади копытами выверчивана

Мать сыра земля будто сильными
рѣшотами.

Онъ поѣхаль по этому по слѣду
лошадиному.

95

Богатырь внимательно разсматриваетъ ископытъ, то-есть, комъ, вылетѣвшій на слѣду изъ-подъ копыта проѣхавшаго коня, и отсюда выводитъ заключенье о сѣдокѣ.

Часто случается богатырю проѣзжать топкими непроходимыми мѣстами; тогда онъ

Лѣвой рукой коня ведетъ,
Правой рукой дубья рветъ,
Дубья рветъ все кряковисто,
Мосты моститъ калиновы.

Вообще съ памятью о богатыряхъ соединяется въ народѣ мысль о самомъ раннемъ проложеніи путей сообщенія по непроходимымъ дебрямъ и лѣсамъ, раздѣлявшимъ поселенія древней Руси. Илья Муромецъ хвалится на пиру у князя Владиміра, что онъ промостилъ цѣлыхъ тысячу верстъ калиновые мосты по зыбучимъ болотамъ, на пути къ Кіеву, и очистилъ дорогу прямоѣзжую отъ Соловья-Разбойника. Дюкъ Степановичъ долженъ былъ на пути въ Кіевъ проѣзжать черезъ страшныя заставы, то-есть, не преборимыя препятствія, борясь, какъ Егорій Храбрый, то съ птицами клевучими, то со стадами лютыхъ змѣй. Илья Муромецъ проѣзжая срывалъ лѣса и строгалъ стружки, а на стружкахъ клалъ кресты съ надписью:

Їдетъ старой казакъ да Илья Муромецъ,
Ко славному ко стольному городу ко Кіеву,
Во первую поѣздку богатырскую.
Когда богатыри пріѣзжали къ князю
Владиміру, становили своихъ добрыхъ
коней
Ко столбику ко точеному, ко колечку
золоченому,
Куда ставятъ коней сильные могучіе
богатыри.
Бросить коней середѣ двора, „не
привязанныхъ да не приказанныхъ“,
значитъ нанести хозяину великую обиду.
Кони богатырскіе чуютъ свое родство, и
радостно встрѣчаютъ другъ друга.
Нравственная связь богатырей, выражаемая
обрядомъ побратимства, скрѣпляется
дружбою и родствомъ ихъ коней. Дюкъ
Степановичъ увидѣлъ въ полѣ шатеръ, и не
зная что за богатырь въ немъ отдыхаетъ,
другъ или недругъ, предоставляет
рекогносцировку своему коню, самъ съ
собою такъ разсуждая:

А поставлю я своего добра коня
Ко одной ко полости ко бѣлыя,
Ко одной пшеницѣ бѣлояровой:
Если кони смирно стануть ѣсть пшеницу
бѣлоярову,
Пойду въ шатерь - не тронетъ богатырь;
А если кони драться стануть,
Поѣду на уѣздъ, могу ль уѣхати!
Кони стали смирно ѣсть пшеницу изъ одной
полости, и Дюкъ вошелъ въ богатырскій
шатерь. Тамъ въ углу спить богатырь -
Спить-то, храпитъ какъ порогъ⁶¹ шумить;
Поглядѣль ему на надпись богатырскую:
Ажно спить старый казакъ Илья
Муромецъ⁶².
Замѣчу мимоходомъ, что въ этомъ мѣстѣ
наивная былина заимствовала у старинной
иконописи византійскій обычай
подписывать имена по сторонамъ
изображаемаго лица.
Какъ кони богатырскіе ведутъ свое
происхожденіе отъ древнихъ,
титаническихъ временъ, такъ и оружіе. Мы
уже видѣли, что Илья наслѣдовалъ мечъ
кладенецъ отъ великана Святогора; а до

того времени долго выбиралъ онъ себѣ мечъ, но что ни возьметъ въ руку мечъ, сожметъ въ кулакѣ - рукоять въ дребезги, и такъ много кинулъ поломаныхъ мечей бабамъ лучину щепать. На родинѣ Ильи Муромца прославился знаменитый Агриковъ мечъ, которымъ князь Петръ убилъ змія оборотня, прилетавшаго къ супругѣ его брата. Мечъ этотъ заложенъ былъ въ кирпичной стѣнѣ въ церкви⁶³. Какъ въ муромской легендѣ соединяются преданія Муромца и Рязани, потому что вѣщая супруга князя Петра, Февронія была родомъ изъ рязанскихъ предѣловъ, дочь мужика древолазца бортника; такъ и Агриковъ, или Агрикановъ мечъ, по сказкѣ у Чулкова, достался рязанскому богатырю Добрынѣ Никитичу, который убилъ имъ Тугарина Змѣевича, соотвѣтствующаго муромскому змію оборотню, любовнику княгинину. Между былинами въ сборникѣ г. Рыбникова одна упоминаетъ о

двухъ богатыряхъ, братьяхъ Агрикановыхъ. Чулковъ называетъ и самого Агрикана, который оставилъ по себѣ въ горѣ кладовую, куда онъ собралъ оружіе славныхъ богатырей. Ключъ отъ этой кладовой Добрыня нашель подъ огромною головой, принадлежавшею великану, который отомстилъ за смерть Агрикана. Добрыня влѣзъ въ кладовую, выбралъ себѣ оружіе, и также нашель себѣ тамъ знаменитаго слугу Торопа.

Заслуживаетъ вниманія, что богатыри, употребляя обоюдоострый мечъ, оружіе западное, еще не знаютъ сабли, которую летопись предоставляетъ восточнымъ кочевникамъ.

Богатырскій эпосъ изображаетъ эпоху, далеко отстоянную отъ введенія огнестрѣльнаго оружія. Съ особенною тщательностью русская былина описываетъ стрѣлы и стрѣльбу изъ лука; какъ богатырь вынимаетъ -

Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,

Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калечу стрѣлу семи четвертей;
Заскрипѣли полосы булатныя;
И завыли рога у туга лука.

У Ильи Муромца были три знаменитыя стрѣлы, которыя онъ самъ выковалъ изъ трехъ булатныхъ полосъ, закаливъ ихъ въ матери сырой землѣ. Но особенно прославляются въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ три стрѣлы Дюка Степановича. Тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ, „цѣны не было и не свѣдомо.“ Колоты онѣ были изъ трость-дерева, строганы въ Новѣгородѣ, клеены клеємъ осетра рыбы, оперены перьемъ сизаго орла. Леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, ронялъ перья въ сине море; плыли гости корабельщики, собирали тѣ перья на синемъ морѣ, вывозили ихъ на святую Русь, продавали краснымъ дѣвицамъ. Покупала перья Дюкова матушка, перо во сто рублей, въ тысячу. Въ ухахъ у тѣхъ стрѣлокъ вставлено было по камню самоцвѣтному, по тирону, а около ушей

перевито аравитскимъ золотомъ. Днемъ Дюкъ охотится, стрѣляетъ, а ночью тѣ стрѣлки собираетъ; потому что днемъ стрѣлокъ не видать -

---

98

А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горять,
Свѣчи теплятся воску яраго.

Стрѣлы было самое употребительное оружіе, равно полезное и на войнѣ, и на охотѣ. Потому до настоящаго времени въ народѣ сохранилось преданье, что лукъ съ стрѣлою - признакъ добраго молодца. До сихъ поръ кое-гдѣ на Руси ведется обычай отъ дѣтскаго крику класть подъ головы мальчику лучокъ со стрѣлкой, а дѣвочкѣ пряслицу. При этомъ причитаютъ: „Щекотиха, будиха, вотъ тебѣ лучокъ (или: пряслица): играй, а младенца не буди.

Стрѣльба въ цѣль служила богатырскою потѣхой. Нѣкоторые, даже женщины, какъ на примѣръ жены Дуная и Ставра, такъ ловко стрѣляли, что попадали въ ножовое вострее, и раскалывали объ него стрѣлу на двѣ ровныя части⁶⁴.

Кромѣ мечей и стрѣлъ, богатыри въ бою употребляли копья, палицы, телепуги, ножи, кинжалы или чингалища. На себя надѣвали крѣпкія доспѣхи куякъ, панцырь, кольчугу. Щиты, кажется, не входили въ богатырскій обиходъ. Вооружаясь самъ съ головы до ногъ, богатырь старательно снаряжаетъ всякою сбруею и своего коня. Былина съ особенною любовью останавливается на описаніи этихъ сценъ во всей подробности повѣствуя, какъ богатырь -

...Шель-то на широкій дворъ,
Съ широка двора шель на стойло кониное,
Бралъ онъ бурушка на широкій дворъ,
Сталь сѣдлатъ-уздать добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Наказывать войлочки на войлочки,
На верехъ накладываль сѣдельшко черкесское,
И затягиваль двѣнадцать тугихъ подпругъ,
Натягиваль онъ тринадцату,
Не для ради красы-басы,
А для ради укрѣпы богатырскія;
Подпруги-то были чиста серебра,

Шпеньки-то были красна золота,
Стремена-то булата заморскаго,
Шелку-то онѣ шемаханскаго:
Шелкъ-отъ не рвется и не трется,
А булатъ не ржавѣеть,

99

Красно золото не мѣдѣеть,
Часто серебро не желѣзѣеть⁶⁵.

Конская скачка была такою же любимою потѣхою въ состязаньи богатырей, какъ и стрѣльба изъ лука. Собесѣдники на пиру князя Владиміра часто похваляются своими добрыми конями, и чтобы рѣшить споръ пускаются въ состязанія. Въ этомъ отношеніи знамениты были кони Ивана Гостиного Сына и Дюка Степановича.

Итакъ, богатыри младшіе уже не знаютъ древнихъ морскихъ разѣздовъ варяжскихъ, ни плаванья по рѣкамъ. Они проводятъ жизнь въ чистомъ полѣ; она поляницы, они полякують. Они промѣняли и крестьянскую соху на мечъ и лукъ со стрѣлами. Они не употребляютъ и топора, этого остатка древнихъ молотовъ. Имъ не

нужна и мужицкая телѣга. Даже Илья Муромецъ, герой народный, воспитанный въ крестьянскомъ быту, уже промѣнялъ топоръ, соху и телѣгу на мечъ и коня.

Въ богатырскомъ эпосѣ русскій народъ прославляетъ воинскіе подвиги и доблести своихъ героевъ, забывая на время ежедневные труды мирнаго земледѣльца. На самой ранней порѣ, только что Русь вышла на историческое поприще, тревожная эпоха междоусобій, особенно въ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, заглушала воинскимъ шумомъ и гамомъ мирные голоса земледѣльческаго населенія. „Сѣялись и росли тогда междоусобіями, говоритъ Слово о Полку Игоревѣ: погибала тогда жизнь Дажьбожихъ внуковъ; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческой сокращался: тогда по Русской землѣ рѣдко услышишь, чтобъ подавалъ свой голосъ земледѣлецъ; но часто вороны граяли, дѣля между собою трупы.“ Вотъ та грозная, воинская эпоха, пополненная бѣдствій и ужасовъ, отъ которой доносится до насъ суровый, воинственный строй нашего

богатырскаго эпоса. Не идиллія земледѣльческаго быта, на многіе вѣка остановившагося въ своемъ развитіи, дала содержаніе нашему народному эпосу; не мирные поселяне съ ихъ однообразными, скромными привычками, искали для себя поэтическое отраженіе въ богатырскихъ идеалахъ; не въ тѣсныхъ стѣнахъ деревенской избы сосредоточила свои

100

симпатіи творческая фантазія, населившая русскую старину богатырскими доблестями. Впервые пробудившійся духъ историческаго движенія, съ свѣжею энергіей, увлекаетъ въ своемъ потокѣ эти новыя историческія силы, такъ разнообразно направленныя въ ихъ тревожной дѣятельности, то въ отдаленныхъ поѣздкахъ богатырей, завоевывающихъ цѣлыя страны и собирающихъ съ нихъ дань, то въ защитѣ Русской земли отъ сосѣднихъ хищниковъ, то въ борьбѣ съ чудовищами, то въ молодецкомъ похищеніи себѣ женъ,

подобно Римлянамъ маститыхъ временъ Ромула и Рема. И Муромъ, и Рязань, и Ростовъ и другія родныя мѣста бросаютъ богатыри, и вереницами тянутся къ Кіеву, не потому чтобы не дорога была для нихъ родная сторока, но потому что движеніе историческое сосредоточивается для нихъ въ Кіевѣ, въ лицѣ ласковаго князя Владиміра; потому что уже нечего имъ дѣлать дома, въ тѣсной обстановкѣ доисторическаго быта, потому что новыя силы ищутъ простора для своей дѣятельности, и находятъ въ княжеской дружинѣ достойную для себя задачу въ заложеніи первыхъ основъ исторической на Руси жизни. Далекія области благословеніями напутствуютъ своихъ представителей, отправляющихся къ кіевскому князю на службу, не жалѣя, что въ своихъ богатыряхъ расстаются онѣ съ лучшими силами, какія могли только возникнуть на ихъ родной почвѣ; потому что этимъ силамъ суждено было созрѣть и вполнѣ развиться уже въ иной обстановкѣ, болѣе благопріятной для историческаго

движенія. Только Новгородъ ревниво отстаиваетъ свои права и не хочетъ подѣлиться съ Кіевомъ ни Садкомъ, ни Васильемъ Буслаевымъ, ни другими, можетъ-быть, богатырями, которыхъ со временемъ отроютъ намъ такіе счастливые и искусные собиратели, какъ г. Рыбниковъ. Итакъ, на разсвѣтъ новой исторической жизни народный эпосъ застаётъ поколѣніе богатырей младшихъ. Новизны и свѣжести эпохи соотвѣтствуютъ юношескіе типы богатырей; и въ теченіе многолѣтняго существованія народнаго эпоса, богатыри не старѣютъ, остаются тѣми же юными героями, исполненными надеждъ на будущее; они только возобновляются съ каждымъ

101

новымъ поколѣніемъ и освѣжаютъ его силы своею идеальною, нестарѣющею отвагой. Это крѣпкое убѣжденіе въ живучесть вѣчно свѣжихъ силъ народной жизни если не откроетъ въ будущемъ широкаго простора для дальнѣйшаго эпического творчества, то

по крайней мѣрѣ долго будетъ поддерживать въ народѣ нравственную и эстетическую потребность опознаваться во вновь-встрѣчающихся историческихъ обстоятельствахъ на родной почвѣ богатырскаго эпоса, который не только не противорѣчитъ прогрессу, но въ своемъ существѣ его уже содержитъ и ему способствуетъ, воспитывая и приготавливая къ нему сознание народное.

Еслибы богатырскій эпосъ свободно и широко разросся на Руси во времена языческія, когда религіозныя миѳы еще не утрачивали способности къ развитію, то, безъ сомнѣнія, быту младшихъ богатырей соотвѣтствовало бы какое-нибудь божество въ родѣ сѣвернаго Одина, предводителя воинскихъ племенъ и покровителя войны. Но славянская миѳологія уже теряла свои творческія силы, когда Кіевъ при князѣ Владимірѣ сталъ въ мысляхъ народа средоточіемъ русской жизни. Потому младшіе богатыри приклонились не передъ миѳическимъ божествомъ войны, а передъ историческою личностью ласковаго князя,

молодаго и прекраснаго и одареннаго всѣми благами счастья.

(До слѣдующаго №).

Ө. БУСЛАЕВЪ.

102

1 Прилож. къ 1 му вып. Кирѣевск. стр. 2-я. К. С. Аксаковъ, кажется, не придавалъ этой подробности особеннаго значенія. Вотъ слова его: „Я не помню, ясно, на какой работѣ была семья Ильи: но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была рубка лѣсу, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.” Ibid. стр. 30. Рыбник. 2, 4.

2 Замѣтка Даля, въ 1 мѣ вып. сборника Кирѣевск. стр. 33.

3 См. о муромской легендѣ въ моихъ Историч. Очеркахъ.

4 Рыбник. I, 41.

5 Рыбник. I, 145.

6 Рыбник. I, 212. Кирѣевск. III, 28. Замѣчательно, что король Артуръ, изображаемый въ позднѣйшихъ искусственныхъ поэмахъ идеаломъ рыцарства и христіанскаго благочестія, первоначально, по преданіямъ кельтскихъ бардовъ, былъ сыномъ Утеръ-Пеннъ-Драгона, мифическаго титана и бога, и даже самъ чествовался какъ солнце. См. Villemarque, Les Romans de la Table Ronde. 1861 г. стр. 8-9.

7 Рыбник. I, 186. II, 16.

8 Намекъ на Татаръ, позднѣйшая вставка. Первоначально были названы какіе нибудь другіе враги.

9 Рыбник. II, 71. Кирѣевск. I, 37 38. Рыбник. II, 167.

10 Рыбник. II, 336 345.

11 Кирѣевск. I, 46.

12 Этимъ обычнымъ эпическимъ выраженіемъ, для ясности, я замѣнилъ провинціализмъ жароваго, стоящій въ подлинникѣ.

13 Кирѣевск. I. 77 86.

14 Длани, откуда съ перестановкою слоговъ: ладони.

15 Дымоволокъ.

16 Подобные анахронизмы объясняются позднѣйшею порчею былинь. Явленіе очень обыкновенное.

17 Кирш. Данил. 359.

18 Чтобы понять это, надобно знать, что почетныя мѣста были на лавкахъ вдоль двухъ стѣнъ, какъ теперь у крестьянъ; къ двумъ другимъ сторонамъ стола придвигались скамьи мѣсто второстепенное. Илью посадили даже на краю скамьи.

19 Кирѣевск. I. 86.

20 Рыбник. I. 66 7.

21 Кирѣевск. I. 58.

22 Кирѣевск. I. 61, 65.

23 См замѣтку г. Стасова въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества 1861 г. Томъ III, вып. 2.

24 Кирѣевск. I. 34.

25 Рыбник. I, 95.

26 Кирѣевск. IV. 13 и слѣд.

27 Кирш. Данил. 361.

28 То есть 30 лѣтъ и 30 зимъ, всего 30 годовъ.

29 Въ странѣ Ость Готѣовъ.

30 Кирѣевск. I. 89. Въ подлинникѣ скаменѣль. Въ этой смѣси язычества съ темными намеками на какія то пещеры и церкви, г. Безсоновъ видитъ глубокую мысль. „Онъ, говоритъ г. Безсоновъ объ Ильѣ Муромцѣ, сдвигаетъ громадный камень, сходитъ въ глубь, и здѣсь каменѣтъ, строя церкву въ пещерѣ. Онъ исчезаетъ изъ вняшняго міра.... Но исчезаетъ съ тою особенностью народнаго воззренія, которая дала ему мѣсто въ пещерахъ кіевскихъ и чтитъ его мощи. Изъ государства переходъ къ церкви; изъ богатырства выходъ къ святости.“ См. замѣтку при 1-мъ вып. Пѣсенъ Кирѣевск. стр. 27. Должно полагать, что православныя воззрѣнія русскаго народа были очень смутны, когда выразились въ такой двоевѣрной формѣ, которая чуть ли не пригоднѣе для характеристики какого-нибудь темнаго, миѣическаго событія, о которомъ едва кое-что помнитъ народный

эпосъ. Почему было не выразиться былинь яснѣе о мощахъ Муромца, если это хотѣла она сказать? Для чего эта утайка, эти экиноки? Не въ воображеніи ли усерднаго славянофила произошло это чудодѣйственное претвореніе окаменѣлыхъ богатырей въ православныя реликвіи? И что за темный такой путь выбрала былина для перехода Ильи отъ государства къ церкви и отъ богатырства къ святости? - Нѣтъ, народный эпосъ глубже и разумнѣе относится къ жизни и природѣ!

31 Рыбник. II, 61. 33. 71.

32 Кирѣевск. I, 19. 51. Рыбник. I, 78.

33 Кирѣевскаго I, 39. 5.

34 Massmann, Kaiserchronik. 1854 г. III, 809.

35 Кирѣевск. III, 70. Рыбник. II, 13, 29.

36 Damas Hinard, Poeme dii Cid 1850 г. стр. 266.

37 Карль клянется: „Par ceste barbe que veez blancheer" „Par ceste barbe dunt li poil canut." Chans. de Roland. I, 261. V, 692.

38 Кирѣевск. II, 67,

39 Рыбник. II, 164.

40 Ibid. 2, 59.

41 Какъ латинск. dives (богатый) происходитъ отъ deus (богъ), divus (божественный, отъ корня div - свѣтатъ, откуда и наши дивы - богатыри): такъ и наше богатъ первоначально имѣетъ смыслъ миѳическій, равно какъ и звожіе (тоже отъ слова богъ) въ смыслѣ жита и хлѣба, потомъ имѣніе вообще, богатства.

42 Шафарика и Палацкаго Die Altest. Denkmal. d. Bohmisch. Sprache. 1840 стр. 97. Того же корня готск. vithiggs, древне верхненѣм. vitig, откуда потомъ новое witzig. Англосакс. vita мудрый, во множ. числѣ vitan судьи. Потомъ слово викинги употреблялось въ смыслѣ благородныхъ воиновъ, морскихъ наѣздниковъ.

43 Рыбник. I. 179.

44 Сверхъ того слово юнакъ или унакъ у Болгаръ употребляется въ смыслѣ жениха.

45 Pictet, Les origines Indo europeennes.. 1859 г. I, 58 67.

46 Рыбник. I, 297.

47 Рыбник. II, 344.

48 Кирѣвск. II, 30 31. Рыбник. II, 21.

49 Рыбник. II, 35.

- 50** Ibid. II, 128.
- 51** Юноши.
- 52** Рыбник. II, 345, Кирѣевск. IV, 42.
- 53** Кирѣевск. I. 18, 24, 35. 36.
- 54** Рыбник. II, 328.
- 55** Рыбник. II, 135.
- 56** Ibid. II, 10.
- 57** Рыбник. II, 97.
- 58** Кирѣевск. I, 51. Рыбник. I, 80. 74-75.
- 59** Кирѣевск. IV, 15. Рыбник. I, 314 5. Аѳанасьева Сказки 6, 288 9. Рыбник. II, 125, 1, 53.
- 60** Кирш. Данил. У Кирѣевск. IV, 100.
- 61** Порогъ рѣки. Воспоминаніе о порогахъ Днѣпровскихъ.
- 62** См. замѣтку у Рыбник. I, 22. Рыбник. I, 292. 297. См. замѣтку Даля у Кирѣевск. I, 32 Рыбник. II, 5. Кирѣевск. III, 4 и слѣд. Рыбник. I, 59. 274. Кирѣевск. I, 46 7. Рыбник. II, 330. 341. 325. 167. 47. Рыбник. I, 275.
- 63** См. въ 1 мѣ т. моихъ Историч. Очерковъ.
- 64** См. замѣтку Даля у Кирѣевск. I, 32, Рыбн. II, 436 и замѣтку 26. Кирѣевск. IV,

53, III, 102. Рыбн. I, 184, Даля, Пословицы, 403.

65 Рыбник. I, 272.